

БЛОК В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА М. А. БЕКЕТОВОЙ

Предисловие Г. П. Блока,
публикация Г. П. Блока и Н. Г. Розенблюма

В 1938 г. скончалась Марья Андреевна Бекетова, тетка Александра Блока с материнской стороны и первый его биограф. В составе оставленных ею бумаг, поступивших в ИРЛИ, оказался и ее дневник.

Эта объемистая и довольно беспорядочная рукопись, написанная небрежным, местами малоразборчивым почерком, может быть названа дневником только условно. Все записи датированы, но велись они не день за днем, а с частыми перерывами, которые затягивались иногда на недели, на месяцы, а то и на годы. Пробелы восполнялись подчас краткими обзорами событий за пропущенное время.

Первая запись — стихотворная — относится к октябрю 1887 г., когда Марье Андреевне было 25 лет (она родилась 11 января 1862 г.). Эта запись, внесенная, может быть, задним числом, является как бы эпитафией к дневнику, начатому три года спустя — в октябре 1890 г. Стихами, частью своими, частью пушкинскими («Я помню чудное мгновенье»), закреплены впечатления от концерта, в котором участвовал итальянский композитор и пианист Беньямино Чези. Увлечение этим музыкантом очень быстро переродилось в любовь, вернее даже в болезненно-настойчивую страсть, поглотившую все помыслы Марьи Андреевны на целое десятилетие. Это чувство, не имевшее никаких надежд на взаимность и не сулившее ничего, кроме унижений, долгое время скрывалось от всех. Оттого-то и потребовался дневник. С 1897 г. предметом новой привязанности, менее бурной, но тоже продолжительной, тоже несчастной и притом еще более утаенной, сделался композитор С. В. Панченко, который одно время преподавал Марье Андреевне гармонию. Таким образом, и в последующие годы любовным излияниям, правда, несравненно более сдержанным, чем ранее, уделено в дневнике много места.

Второй ведущей темой является музыка, которой Марья Андреевна занималась много лет. Это было любимое ее дело: за литературную работу она бралась в первой половине жизни неохотно, видя в ней только источник заработка. Но в области искусства, как и в любви, ее преследовали неудачи, тем более тягостные, что здесь они объяснялись главным образом личными ее данными, или, вернее, — отсутствием тех личных данных, которыми определяется успех. Она это осознала временами. Сознали это и члены ее семьи. Ее увлечение музыкой, как видно из дневника, вызывало с их стороны не сочувствие, а нескрываемое раздражение. Следует отметить, что с годами тяготение М. А. Бекетовой к музыке приобретает несколько патологический характер: она продолжает свои уединенные занятия, теоретические и практические, пробует свои силы и в области композиции (ей были положены на музыку и некоторые стихотворения Блока, в частности, его «Колыбельная песня», о чем он, по-видимому, не знал). Но занимают ее теперь, судя по дневнику, не столько само искусство, сколько возможность при посредстве этого искусства вступить в более близкое общение с любимым человеком.

И, наконец, третья тема — семейные отношения. Дневник Марьи Андреевны вносит довольно существенные поправки в идиллическую картину, которая нарисована ею же в тех главах ее книг о Блоке, где говорится о внутреннем быте «ректорского дома». В ее записях встречаются вполне определенные намеки на то, что супружеская жизнь ее родителей не обошлась без потрясений. Разрыва не последовало, но отношения стали так далеки, что даже после того как Андрей Николаевич Бекетов 23 мая 1897 г. постиг апоплексический удар, жена его Елизавета Григорьевна уклонилась от ухода за мужем. Тяжелые обязанности сиделки взяла на себя Марья Андреевна.

Е. Г. Бекетова, бабушка поэта, поглощенная литературной работой и приемом «вечных посетителей», была, видимо, довольно далека от детей. И те относились к ней, кажется, не всегда дружелюбно. Об этом свидетельствует такая, например, запись Марьи Андреевны: «Я всегда маму любила всех больше и даже в самое дурное время ее защищала одна, хотя и порицала». В другой своей работе («Шахматово. Семейная хроника») Марья Андреевна говорит о матери так: «Она была добра, но далеко не добродушна. (...) Она была прежде всего человек и личность, а потом уже мать и жена» (См. наст. кн., с. 665—666). Андрей Николаевич, дед поэта, приветливый с посторонними, ласковый с внуком, относился к дочерям своим неровно и в домашней обстановке бывал тяжел. Не ладили между собой и дочери Андрея Николаевича.

Труднее всех жилось в семье Марье Андреевне. Она одна из четырех сестер не вышла замуж и до 40 лет прожила при родителях. Ее смолоду признали неудачницей, поставили на ней крест, не интересовались ее личной жизнью и сваливали на нее всю черную работу. Положение ее в семье характеризуется следующими записями: «Да, глубоко мне чужды мои милые сестры» (2 апреля 1891 г.), «Зимой я покорнее несу свое иго, хоть и сознаю его» (23 июля 1896 г.), «Мама моя меня вообще очень мало понимает, а в музыке она мой великий мучитель», «Все сходится на том, чтобы признавать во мне только бесплотное существо, не имеющее никаких прав на жизнь и хоть тень счастья» (30 марта 1900 г.).

Вскоре после смерти отца Марья Андреевна вносит в дневник такую запись: «Горя нет; в эту минуту что-то странное чувствую. Неужели свобода и музыка впереди? Боже мой! Какие-то мечты опять затрепетали в душе, выросли крылья надежд» (25 июля 1902 г.). Через два месяца после этого умирает и мать, а еще через месяц находим в дневнике Марьи Андреевны следующие слова: «Можно жить. Покой, свобода, удобства» (9 ноября 1902 г.).

Однако вскоре жалобы возобновляются:

«Катя¹ меня оттолкнула в детстве. Дидя² в отрочестве жестоко обидел, в зрелых годах жестоко мучил. Аля³ всю жизнь более или менее мной помыкала. Мама лучше всех все-таки для меня была из наиболее мною любимых. Правда, она совершенно невольно испортила мое здоровье, но тут я ее совсем не виню» (30 ноября 1904 г.). «Я — нуль, у которого охотно берут деньги и книги; иногда обедают. Тетенька там какими-то глупостями занимается, исполняет долги, пилюкает на фортепьяно (это так называется) и ходит по концертам» (16 февраля 1905 г.).

Было бы, разумеется, неосторожно принимать эти признания на веру безоговорочно. Надо учесть, что Марья Андреевна прибегала к своему дневнику в наиболее горькие минуты жизни и что с годами, судя по этому же дневнику, мысль о своей неудачливости, о своем одиночестве, о невнимании близких обратилась у нее в своего рода навязчивую идею. Бесспорно, что ее жалобы на родню грешат некоторыми преувеличениями. Мы знаем, например, что, когда весной 1905 г. она слегла в больницу, ее племянник Александр Блок был взволнован ее болезнью и делился этими тревогами с Андреем Белым⁴. Ею же самой удостоверено, что в последние годы жизни он помогал ей материально⁵. Из неопубликованной переписки ее с сестрой Александрой Андреевной видно, что и та в это время деятельно о ней заботилась. Наконец, и в самом дневнике Марьи Андреевны мы встречаем не одни только суровые отзывы о семейной обстановке.

Была и родственная любовь, были и родственные заботы. Но они были не очень характерны для Бекетовых. Дневник Марьи Андреевны позволяет сделать выводы, важные для биографии Блока: семейную рознь наблюдал он не только в доме матери и отчима, где жил в отрочестве и в юности, но и в доме деда, где прошло его детство и где продолжал он затем проводить летние месяцы. Безучастное, чаще даже презрительное отношение к людям, которое, по свидетельству Марьи Андреевны, было так свойственно матери поэта и которое она пыталась обосновать ссылками на Ницше⁶, было в сущности до некоторой степени традиционно в семье Бекетовых. Исключение составляла только Марья Андреевна.

Итак, дневник ее посвящен, как видим, главным образом пессимистическому самозерцанию. Оно составляло не только основу ее дневника, но и основу ее жизни. Замкнутость ее существования, отрешенность от всяческих впечатлений, выходящих за круг личной и семейной жизни, поистине удивительны. Даже такие события, как русско-японская война, как 9 января, отражены в дневнике всего двумя-тремя беглыми и бесстрастны-

ми записями. Здесь опять устанавливается связь с бекетовскими традициями, известными нам хотя бы из «Возмездия»: пребывание «в числе людей передовых» и хранение «гражданских святынь» сводилось на практике к «тихой жизни», к «пропасти между общественным и личным, пропасти, которая становится все глубже».

Марья Андреевна отдавала себе отчет в тематической узости своего дневника. «Это ведь складочное место всего моего личного, — говорит она о нем, — того, что никому не интересно».

В последнем случае она не права. Исследователь Блока не может пройти мимо этого документа. Он не вскрывает, правда, никаких сколько-нибудь крупных биографических фактов, но дает множество чрезвычайно выразительных деталей, освещающих известные нам факты по-новому.

Пока Марья Андреевна была еще молода, племянник, будущий поэт, занимал в ее жизни более чем скромное место. За первые семь лет (1890—1896) мы встречаем в ее дневнике всего три коротких упоминания о «Сашуре». Затем картина мало-помалу меняется. По мере того как подрастает племянник и как с приближением старости меркнет личная жизнь Марьи Андреевны, она все ближе подходит к сестре Александре Андреевне и племяннику. Это сближение, как увидим, обходится ей недешево, но ее дневник обогащается благодаря этому все большим количеством сведений о Блоке и об его матери. После смерти стариков Бекетовых Марья Андреевна, хотя живет и врозь с сестрой, становится уже постоянным членом того очень тесного семейного кружка, в котором протекала жизнь поэта, тоже, как мы знаем, в достаточной мере замкнутая и бедная внешними событиями.

Тем большее значение приобретают свидетельства, идущие изнутри этого кружка. Однако для того, чтобы правильно оценить их, надо все время помнить, какое положение занимала здесь Марья Андреевна. Ее умственное развитие, ее знания, ее начитанность не шли дальше того, что являлось средней нормой для интеллигентной женщины ее времени и ее круга. Она была к тому же типичнейшей представительницей того бекетовского и не только бекетовского «двоеверья», которое хорошо памятно нам по тому же «Возмездию»: умеренный позитивизм уживался у нее с религиозностью, тоже умеренной. При общении с сестрой и племянником на ее долю выпадала, говоря словами Пушкина, всегда неблагодарная роль «Здравомысла этой маленькой комедии». Поэт и мать корили ее «академичностью и педантизмом», ее же утомлял их «вечно приподнятый строй, не допускающий ничего, кроме *звуков сладких и молитв*». Об этом пишет она в своем дневнике почти в то самое время, когда в юношеском дневнике Блока появляется следующая запись: «Есть люди, с которыми нужно и можно говорить только о простом и „логическом“, — это те, с которыми не ощущается связи мистической» (VII, 24). Можно не сомневаться, что к числу таких людей он относил и свою тетку, одинаково далекую и от мистических экстазов и от гримас русского нищеванства начала 1900-х годов. Истинные монологи М. А. Бекетовой о сестре и племяннике приобретают с годами все более острый полемический тон. Это придает ее дневнику немалую ценность, особенно значительную оттого, что в ее печатных биографических работах о Блоке и его матери следов этой полемики почти не заметно. Нельзя забывать, однако, что ценность эта далеко не абсолютна. Будничная трезвость, которую Марья Андреевна пыталась противопоставить тому, что Блок в своих стихах называл жизнью сложной, трудной и праздничной, — эта трезвость сбивается временами на обывательскую наивность. Материалы, извлеченные из дневника Марьи Андреевны, дают возможность по-новому обдумать такие важные эпизоды из жизни Блока, как первая его любовь, как начало его супружеской жизни, как сближение с Андреем Белым, как отношение его к 9 января и т. д. Правдивость Марьи Андреевны не вызывает никаких сомнений, но тем не менее свидетельства ее требуют во всех этих случаях весьма строгой критической проверки. Достаточно сослаться хотя бы на следующие два примера.

26 июня 1897 г. в Наугейме, под свежим впечатлением разговора Блока с матерью об отношениях его с К. М. Садовой, Марья Андреевна простодушно записывает в дневнике: «Оказалось, что любви у него никакой нет», он «сказал, что попал в скверное положение, что сам готов бы отвязаться». Прямым опровержением этой записи служат стихотворения Блока, посвященные Садовой, и ретроспективный цикл «Через двенадцать лет».

12 января 1905 г. Марья Андреевна заносит в свой дневник рассказ о происшедшей накануне очередной размолвке матери Блока с его женой. Спор на этот раз был, по-види-

тому, политический, причем Любовь Дмитриевна, жена поэта, выражала, будто бы, несочувствие к рабочему движению, а Александра Андреевна, мать, развивала какую-то свою теорию «о пагубности фабрик, денег и т. д.». «Сашура, — добавляет Марья Андреевна, обыкновенно говорящий то же самое, был на Любиной стороне». Здесь опять Марья Андреевна или чего-то недослышала, или неверно поняла содержание спора, который взволновал ее только своими резкими формами, а не по существу. Нет никаких оснований не доверять прямому и гораздо более авторитетному показанию Андрея Белого, который утверждает в своих воспоминаниях, что Блок так же как и его мать, был в эти дни «в революционном настроении»⁷.

За всеми этими оговорками, дневник М. А. Бекетовой сохраняет значение важного источника для изучения биографии Блока. Он вводит нас в семейный быт поэта и, в частности, воспроизводит с необыкновенной, подчас даже пугающей наглядностью ту нездоровую, напряженную, или, по словам его тетки, «грозовую» атмосферу, какую создавала в этом быту мать Блока. Нам известно было и ранее, что влияние ее на сына было во все времена его жизни огромно. Нам хорошо памятлины слова Андрея Белого о том, что Блок «был близок к своей матери именно в субстанции своих творческих тем»⁸. Это признавал и сам Блок, заявляя, что «мы с мамой — почти одно и то же»⁹. Однако утверждения эти преподносились нам лишь в качестве чужих, готовых выводов из материала, который до сих пор был нам незнаком. Здесь, в этом неприятном дневнике, не предназначавшемся, конечно, для печати, такого конкретного материала сколько угодно, и убедиться в справедливости вышеприведенных выводов мы можем воочию.

Дневник М. А. Бекетовой имеет право на опубликование, разумеется, только в той своей части, которая посвящена Блоку. Печатаемые ниже отрывки исчерпывают все сколько-нибудь существенное, что имеет отношение к поэту.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Екатерина Андреевна Бекетова, в замужестве Краснова.

² Андрей Николаевич Бекетов.

³ Александра Андреевна — мать Блока.

⁴ «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 126, 128, 131.

⁵ М. Бекетова. Ал. Блок и его мать. Л. — М., 1925, с. 160.

⁶ Там же, с. 138—139, 177.

⁷ «Записки мечтателей», 1922, № 6, с. 96.

⁸ Там же, с. 42.

⁹ М. Бекетова. Указ. соч., с. 76.

ИЗ ДНЕВНИКА М. А. БЕКЕТОВОЙ

1891

10 апреля. Петербург

Сегодня я опять изнывала. Аля и Сашура у нас ночевали. Я совсем замучилась и устала.

2 мая. Петербург

Франц¹ болен тифом, не опасно, но неприятно; Сашура у нас живет и на моем попечении, конечно, едва выехала Леля². Я измучена физически и нравственно. Мне мешают что бы то ни было делать тысячи житейских забот. Между тем душа совершенно истерзана. Рвусь к нему³ и не могут выбрать времени; сегодня опять не дали. К счастью, Сашура, вероятно, скоро вернется домой. А мама-то его как о нем тоскует, в то время как я им тягучусь. И так на свете все ведется!

1896

23 июля. Шахматово

Вчера были мои именины. День был жаркий, как все эти дни, — и праздничный, благодаря детям⁴. Спектакль с греками и их драмой⁵ и иллюминация из фонарей. Все было мило и весело.

1897

26 июня. Бад Наугейм

Здесь было много тяжких часов и дней. На мне была новая громадная ответственность: Аля — с плохим немецким языком, с моими силами и с ее болезнью ⁶.

Потом началось дело с Сашурой. Сначала он просто скучал, ныл и капризничал и мучил свою маму и меня. Но потом мы познакомились с Садовской ⁷, и началась новая игра и новые муки. Он ухаживал впервые, пропал, бросал нас, был неумолим и эгоистичен, она помыкала им, кокетничала, вела себя дрянно, бездушно и недостойно. Мы боялись за его здоровье и за его сердечко. Тут подошло новое течение: знакомство с А. И. Сент-Илер ⁸. Это все пошло с одного разговора об ее умершем мальчике. Это ходячее пламенное сердце, доброта, простота. Но форма некрасивая и неискusstная. Мы жаловались ей на Садовскую, она нам сочувствовала, побранила как-то Садовскую; та обиделась, разозлилась. Стала допытываться у Сашуры, что про нее говорят. Сашура сдуру свалил все на m-me Сент-Илер. Вышли сплетни, гадости, дрязги. Кончилось все однако тем, что Аля все узнала от скрывавшего Сашуры, и оказалось, что любви у него никакой нет, и она-то завлекла его, на все сама была готова; только его чистота и неопытность спасли его от связи с замужней, плохой, да еще и несвежей женщиной. Теперь Аля с ним проводит весь день; он, как дитя, требует развлечений и забав; Аля и забавляет его; дни идут. Та злится, не уезжает, но, бог даст, все скоро кончится ничем, и мы останемся одни. Худшее, что будет, — это ссора с ней. Но не все ли равно? Главное же, чтобы он остался цел и не был против матери. Отношения его с Алей были одно время ужасны, пока та все у него выпытывала, закабаляла его и брала с него слово, что он будет молчать. Он наконец не выдержал этого, сказал, что попал в скверное положение, что сам готов бы отвязаться. Тут-то все и пошло в другую сторону. Но вот начало Сашуриного юношества. Первая победа, первые волнения. Тут была и доля поэзии. Она хороша. Он дарил ей цветы Она ему пела.

1899

26 октября. Петербург

Аля нуждается во мне, как в хлебе насущном; Сашуронька любит мое общество заметно.

1900

29 февраля. Петербург

Сашура уже второй год в университете, думает о сцене ⁹ и давно уже мужчина. В противоположность моим опасениям, он имеет большой успех и совсем уж не бесцветен. Блестящ.

Але опять гораздо хуже. С Сашурой мы сходимся.

11 марта. Петербург

Я бесконечно близка с Алей, все больше сближаюсь с Сашурой.

С Алей говорю я о ней и об Сашуре, конечно. Обо мне почти никогда и ничего.

8 апреля. Петербург

Весь свет мой извне в Сашуре и в Але.

31 августа. Шахматово

Сашура хорош, но его здешняя безмятежность должна нарушиться в городе. Опять начнется меланхолия, опять исключительность. А между тем братьев не будет и здорового веселья не будет ¹⁰. Франц ничего не значит в его жизни, это пустое место. Ни сочувствия, ни совета, ни участия. Аля одна бьется. Знакомств взять негде, и Франц их затрудняет. Все, что не его круга ¹¹, ему чуждо; он сторонится; чувствуется рознь и неловкость. Ничего не склещешь.

Е. Г. БЕКЕТОВА И М. А. БЕКЕТОВА (БАБУШКА И ТЕТКА ПОЭТА)

Фотографил, 1894, Шахматово
Литературный музей, Москва

9 ноября. Петербург

Меня Сашура находит интересной. Я для него интереснее бабушки.

22 ноября. Петербург

Была у Али вчера. Она очень меня беспокоит. Это инфлуэнца, но при ее склонности опасно. Опять мысли о смерти и притом для себя и для Сашуры¹². Тоска смертная. Больная душа. И притом физически больная. И он тоже. Я не умею ей отвечать. А ей только до него дело.

У Али была мелодекламация. Поэтично, но плохо. У мальчика нет слуха, он не ловит мелодии, и Катя¹³ не умеет ловить. Але все нравится¹⁴.

5 декабря. Петербург

И у Али лучше. Сашура повеселел¹⁵, и она тоже, конечно.

1901 г.

8 января. Петербург

Новый год встретили у нас. Были Аля, Сашура и Евгений Осипович¹⁶. Вышло неоживленно и невесело, потому что Але нездоровится и она страшно устала; Сашура был поэтому тоже не в духе.

Но Аля! Сашура ничего себе, хотя не вполне все хорошо, но она совсем несчастна. Теперь уже для меня ясно, что ключ всего в ее несчастном браке. Это непоправимо и неизменно. Нельзя себя обманывать: она несчастна и давно уже это сознает, но последние годы еще более, не потому, как это бывает во французских романах, то есть потому что муж физически надоед и хуже, чем другой мужчина, а напротив потому что последний его престиж пропадает; ей совсем бы почти ненужно мужа, а ресурсов никаких и главное, главное — самое ужасное: рознь, растущая с каждым днем. Она ста-

новится все утонченнее и развитее, все исключительнее, а он и все, его окружающее, все те же. Он видит, что он не удовлетворяет, но сделать ничего не умеет, существо неловкое и бездарное, еще гораздо больше, чем я, потому что я не груба, интеллигентна, все понимаю и доброй воли у меня тьма, да еще и поэзия есть. Я не знаю, что же это будет дальше. Она способна его возненавидеть. Она чахнет от всего этого, жизнь ей в тягость, ничто не радует, все постыло, а уйти не находит возможным ради Сашуры, да жаль Франца. Мне его очень жаль. Он в сущности мало виноват. Но что же за судьба ее? Одно несчастье за другим. Один брак хуже другого ¹⁷.

Я думаю, однако, что у них на днях будет буря, после которой будет некоторое облегчение. Дай бог.

15 марта. Петербург

Сегодня у нас был в последний раз Семен Викторович ¹⁸. Мы были вместе у Али; сговорились они быть вместе у нас сегодня вечером. Пришли. Все было ничего себе, даже недурно, потому что детка ¹⁹ была веселая и бесценная, смеялась вся розовая со своим чудным лицом юного Аполлона.

11 сентября. Шахматово

Завтра едем в Петербург. Помяну добром это лето ²⁰, несмотря на многие тревоги, бессонные ночи и головные боли. Во-первых, оно еще сблизило меня с моими ненаглядными ²¹. Это произошло главным образом потому, что мы были одни, даже без Софы, и потом нас все более и более связывает Сашура. Этот мальчик кудрявый, нежный и поэтический, этот баловень и капризник, такой восхитительный в хорошие минуты и такой невыносимо тяжелый в дурные, — составляет наше общее мученье и радость. Он любит тетю и все более с ней сближается. Тетю зазывают к себе, читают ей свои стихи и уважают ее мнение. А она очень старается быть умной и образованной, кроме того, деликатной и чуткой, и бережет свое сокровище — Сашурину любовь и уважение.

Люблю их обоих до крайности, но сознаюсь не без горя, что они утомляют меня не только капризами своих настроений, но также и вечно приподнятым строем, не допускающим ничего, кроме «звучков сладких и молитв» ²²; все им мистицизм, да стихи подавай; особенно она, моя бедная крошка, с больным сердечком и нервами. Нельзя так вечно витать над землей в сферах умственной жизни. Это нездоровый, разреженный воздух, в котором трудно дышать.

Да, это так, но зато Сашура — неисчерпаемая тема для нас. Он много писал стихов; иные прелестны. Соловьевы ²³ серьезно советуют ему их печатать. Неужели он в самом деле поэт и в этом его судьба? Боже мой, если бы это было так! Какое счастье!

1902

13 мая. Петербург

Завтра мы едем в Шахматово. Зима эта принесла мне немного, но мне кажется, что пережито ужасно много.

Работа, некоторые успехи, полное успокоение. Немножечко ушла вперед, мало, но твердо. Вторая сторона — Аля и Сашура: новое — это мистицизм, религия, вера, искание веры, пророческий дух. Пророчества эти мне непонятны, но я им не верю.

Но Сашура — поэт, уже признанный избранными ²⁴, и познакомился с Мережковскими ²⁵. Моя любовь к Але и Сашуре все зреет.

29 июня. Шахматово

Мальчики ²⁶ тешат нас своим смехом. Вчера еще был целый день их светлого детского хохота. А сегодня Аля нездорова и потому полна опасений, мрачных выводов о безвыходности и т. д. Сашура под ее влиянием тоже другой, но она думает, что он страдает от общества Софы и Фероля ²⁷.

1903

18 января. Петербург

Вчера получено письмо из Москвы от тети Сони²⁸. Миша и Оля Соловьевы умерли. Он умер в несколько дней от воспаления легкого, она застрелена²⁹. Сегодня их хоронили. Что с Сережей³⁰, не знаем. Эти люди были нам троим до того дороги и нужны, что без них жизнь стала вдвое темнее.

Аля озлоблена от горя. Она и без того очень дурно себя чувствует это время, сердце болит, сильно задыхается, ночи не спит. Плохо и без того. Мысли ее крайни, выражение их истерично, хотя многое верно, но все же это крайне, иногда жестоко и неверно.

Что будет с Алей? Боюсь за нее. Говорит, что жить хочет, потому что Сашура сказал, что она ему очень нужна. А вдруг? Теперь-то и нельзя, когда захотелось?

Да, без мамы и диди легче, чем без Соловьевых. Они давно уж свое сказали.

5 марта. Петербург

А новая фаза та, что Аля дня три тому назад сказала Адаму³¹ у них на обеде на его грубость по поводу Соловьевых: «Я к вам больше никогда не приду и не желаю вас видеть», и вскоре после обеда уехала с Сашурой, предварительно сказав, что просит 6-го марта ее не поздравлять, потому что не будет праздновать своего рождения. Францу тут же сказала несколько жестоких фраз. Все были поражены и ничего по обыкновению не поняли. Адам говорил, что Аля психически больная.

2 ноября. Петербург

Даже не знаю, с чего начать, так много произошло. Прежде всего, Сашура женился на Любе Менделеевой. Об их любви и не упомянуто мною прошлую зиму, но собралась. Да и теперь не хочется об этом писать. Скажу одно: были сомнения и страхи, потом удивительная свадьба, полная религиозной, мистической поэзии³², приезд Сережи Соловьева, подъем духа, успокоение; здесь первые впечатления этому соответствовали, но потом — опять пошли сомнения и страхи. Она несомненно его любит, но ее «вечная женственность», по-видимому, чисто внешняя. Нет ни кротости, ни терпения, ни тишины, ни способности жертвовать. Лени, своенравие, упрямство, неласковость, — Аля прибавляет — скудость и заурядность; я боюсь даже ей сказать: уж не пошлость ли все эти «хочу», «вот еще» и сладкие пирожки. При всем том она очень умна, хоть совсем не развита, очень способна, хотя ничем не интересуется, очаровательна, хотя почти некрасива, правдива, прямодушна и сознает свои недостатки, его любит, и порою у нее бывают порывы раскаяния и нежности к Але. Он — уже утомленный и страстью, и ухаживаньем за ней, и ее причудами, и непривычными условиями жизни, и, наконец, темнотой. Она свежа, как нежнейший цветок, он бледен и худ. Опять стал писать стихи, одно время заброшенные³³, а науками не занимается. Трудно судить, насколько можно на нее влиять. Я еще на это надеюсь. Аля ведет себя удивительно. Любовь к Сашуре ее учит быть мудрой, доброй и правой. С Францем все хорошо³⁴. Я люблю Любу, как и Аля.

11 ноября. Петербург

У моих есть новости — сношения с Грифом (альманах моск<овский> стихов), приехал издатель³⁵, ему были посланы стихи: очень понравились ему и Бальмонту. Вчера был великий день: суета, волнения, беготня, Люба блистала свежестью и была детски непосредственна и мила, полна оживления, вообще дуся. Дитя³⁶ было кудрявое и серьезное. Все вместе хорошо и интересно.

1904

4 марта. Петербург

Дети Алины счастливы. Люба сильно изменилась к лучшему. С Сашурой одна нежность и любовь. И с Алей лучше гораздо.

13 августа. Шахматово

Но вот что новое и страшное — Сашура и Люба. Сашура — злой, грубый, непримиримый, тяжелый; его дурные черты вырастают, а хорошие глоснут. Он — удивительный поэт, но злоба, деспотизм, жестокость его ужасны. И при этом полное нежелание сдерживаться и стать лучше. Упорно говорит, что это не нужно и что гибель лучше всего³⁷. Это не есть дух противоречия относительно Софы³⁸, потому что было все еще до ее приезда. Но за год жизни с Любой произошла страшная перемена к худшему. Она не делает его ни счастливее, ни лучше. Наоборот. Что то? Она — недобрая, самолюбивая, она — необузданная. Алю она так и не полюбила и жестока с ней. Мне кажется часто, что это сгладится, что у нее ложный стыд мешает много, но я боюсь за будущее. Давно ли у него были добрые порывы? А теперь? Что же это будет?

26 сентября. Петербург

Мои маленькие³⁹ обедали у меня сегодня. Вышло так хорошо, как я не ожидала. Обед удался, квартиру мою хвалили все. Моя царица-каприз⁴⁰ сказала: «Тетя, переселюсь я к тебе. У тебя тепло, уютно и т. д.». Все было хорошо, кроме одного. Попросили поиграть. Я была рада, с волнением села играть романс Чайковского. Сыграла, конечно, скверно. Ну и услышала: вещь ужасная, сочинена отвратительно, рояль страшно резок и отрывист. При этом все сидели рядом, у меня на носу, а Сашура говорит о своем.

Потом говорили о цыганских романах⁴¹ и на мою критику возразили мне, что я очень академична.

И боюсь я Али, как никого. При ней-то я и играю всего хуже.

16 октября. Петербург

После концерта пошли с маленькой⁴², хотели вместе ехать. Глядь, внизу Сашура рядом с современными музыкантами. Конечно, бросаемся к нему. А он говорит: «Я с Семеном Викторовичем⁴³. Вот он!».

19 октября. Петербург

Опять зачастила к Але, потому что нужна ей. Вчера у нее обедала и видела ее страдания и унижения. Дело доходило до крайнего отчаяния.

Я забыла дома среди своих мирных занятий и дум мрачную безысходность ее положения — Любино бессердечие, Сашурину злобу порой, Алино глубокое одиночество и страшную обиду. Франц один своей непрестанной нежностью облегчает. Милый мой Франц. Его любовь только и спасает ее. Больше моей.

Ушла, как виноватая.

По дороге встретила Сашуру и обрадовалась несказанно, поверив в поворот к лучшему. Он и пришел в лучшем настроении⁴⁴ и принес ей вести, что ее стихи, которые он давал без ее ведома Тернавцеву, ему очень понравились. Она даже не радовалась, бедняжка. Во-первых, стихи свои считает позорными, во-вторых, была ошеломлена⁴⁵.

30 октября. Петербург

Вчера был важный день. Они с детей пришли ко мне и принесли сборник его стихов, изящную книжку в прекрасной обложке, с надписью мне⁴⁶. Обедала я у них с бенедиктином по этому случаю.

Но Люба и Аля — теперь это хуже всего.

6 ноября. Петербург

Вот Смородский, этот смешной, неуклюжий поэт, которого презирал Сашура и со смехом писал на его стихи рецензию⁴⁷. В этом году он уже написал еще и еще и заметно лучше; его начинают признавать.

14 ноября. Петербург

У меня прошлое воскресенье ⁴⁸ обедали наши и Семен Викторович.

Аля пришла в своем коричневом платье и с пушистой прической, по моему очаровательная — с тем, чтобы говорить. Ну, и говорила. Весь обед и весь вечер они с С. В. спорили и друг друга не понимали. Он ее, конечно, жестоко обидел, как он это умеет. Между прочим, заявил, что Сашурины стихи талантливы, но никуда не годятся по форме. Про книжку сказал: «Побаловались в первый раз, а там будет другая книжка. Другие и паршивее начинали». Я думаю, это — педагогика, чтобы не захваливать «дету», а кроме того, Але на зло.

А, может быть, и зависть даже. Она просто так поняла. Ведь не даром же Мережковские-то одобряют и Брюсов тоже. Он объясняет это тем, что нужно поддерживать своего. Но, главное то, что говорил он о «новом царстве» ⁴⁹. Она спрашивала новых слов, говоря, что ничего нового от него не слыхала, что все это она уже читала и слыхала раньше, а он из себя выходил, говоря ей: «Это не во мне, а в вас: я вам золотые слова говорил, а вы не видите и не слышите, вы — одна из тех счастливиц и т. д.». Даже кричать на нее начал одно время и совсем озлился. Потом утих. Она была уничтожена.

Это для Али все ново. Она привыкла, что ее все слушают, что она-то уж собаку съела на этих вопросах. А С. В. прямо говорит: «Какая неопытность!» или: «Вы не можете оценить сущности стихов».

Ей я говорила потом, что в нас в ней любви больше, чем в нем. Она же в припадке самоуничтожения говорила, что это смело, что мы с ней стары и потому его не принимаем. Дети пришли в восторг, хотя Люба ничего не поняла, кажется.

Хотя я и плохо образованна, но Аля еще гораздо хуже меня. Она очень невежественна, и это ей сильно мешает. Между прочим, прочтя Мережковского и «Три разговора» Соловьева, она думает, что все узнала, всю истину, что другого, кроме Ницше, не стоит и читать, и пренаивно это высказывает ⁵⁰.

Она людей презирает, я их люблю.

И так я люблю людей вообще, а в частности я их никогда не обижаю и отдельных умею любить сильно и хорошо. Она любит так одного Сашуру.

А маму она обижала жестоко, как я никогда не обижала.

23 ноября. Петербург

И вот я задумала освободить Алю от Любы и по новому заняться музыкой: поучила дуэты и после обеда написала Любе шуточное приглашение и послала с Аннушкой ⁵¹. Она пришла, но такая невеселая, что мое настроение сразу упало. Спросила: «Почему тетя такая веселая? Мы говорили об этом за обедом». Пели — плохо довольно, но я была храбра, несмотря на все, что было обескураживающего.

Пришел Сашура, до того мрачный, что Люба еще стала печальнее. Должно быть, дома у них совсем плохо. Вот завтра узнаю, когда Аля придет. Боюсь, что это будет очень нехорошо, потому что покорный и униженный тон не годится, а более суровый и уверенный — тоже. Впрочем, теперь, может быть, ласка всего нужнее. А веселость не выйдет. Они ее спугивают мгновенно. Я только одна у себя и весела. Впрочем, с кем-нибудь другим еще могу, может быть, только не с ними. Печальные и страшные.

30 ноября. Петербург

С. В. Панченко проповедует новое царство — без семьи, без брака, без быта, с общим достоянием, с отниманием детей семилетних у матерей. Мне кажется, что много правды и новизны в его словах, но холодно будет в его царстве.

1905

12 января. Петербург

С 8-го января началась общая забастовка всех фабрик и типографий в Петербурге.

Началось чинно, торжественно и религиозно. Рабочие во главе со священником пошли к Зимнему дворцу с Евангелием, крестом и хоругвями. Но в них стреляли, попали в Евангелие и крест. Со всех сторон рабочие стремились к дворцу, но их не пускали. У нас ⁵² была большая толпа, чинная, серьезная, тихая и прекрасная. Франц выступил со своим отрядом в боевой амуниции в 8 ч. утра и встал около Спасителя ⁵³. Аля его проводила и пошла по улицам одна, и Сашура пошел один. Она около 11-ти зашла ко мне (у меня Оля Федорович ⁵⁴), и мы пошли все по улицам. Видели толпы рабочих и солдат и слышали издали залп. К счастью, гранадеры ⁵⁵ пока не стреляли. Франц двое суток провел, не раздеваясь, почти без сна ⁵⁶.

Много слухов и вранья. Полиция глупа и близорука.

Про войну эти дни все забыли.

Я, конечно, оставила все свои дела. Каждый день вижусь с Алей. На фоне всего этого Люба, будирующая после неистовых ревнивых сцен (Кина ⁵⁷ и Зинаида Гиппиус), не сочувствующая движению, презирующая рабочих, а главное-то Алю. Или злостно молчит, или прорывается злыми вспышками, как было вчера вечером, когда мы с Олей ⁵⁸ у них сидели в день моего рождения. Вчера днем вдруг пришла ко мне Аля с нежным бело-розовым букетом, а потом Сашура с Любой с красными тюльпанами. Были веселье и милые, требовали чая, конфет и еды. Все было прекрасно. Аля назвала Любу хулиганкой, да не один раз, а два; Люба обиделась и ушла с этим. По-моему, это была первая ракета. У них был Недзвецкий ⁵⁹ с новым букетом для меня, пил чай, говорил много интересного, но был самодоволен и очень уж презирал Франца и Россию. После его ухода и пошли разговоры о вреде и пользе фабрик. Она ⁶⁰ развивала обычную свою теорию о пагубности фабрик, денег и т. д., выказывая обычное же презрение к науке и законам истории и политической экономии. Сашура, обыкновенно говорящий то же самое, был на Любиной стороне. Многое у Али было нелогично, и, главное, выказывалась невежественность, но было умно и оригинально. А Любино было все сплошь чужое. Кончилось резкой выходкой Любы в передней при Наливайке ⁶¹. Думаю, что дальше было и хуже. Если бы был у них Андрей Белый, он бы поддержал Алю и вообще нашел бы слова, примирившие обе стороны, а Люба не посмела бы говорить резкости. Аля упомянула, как авторитет, Семена Викторовича, но это было бестактно, потому что Люба его невзлюбила и презирает.

20 января. Петербург

У Али — Андрей Белый — милый, умный, талантливый, добрый, но, боже, до чего утомителен и многословен. Люба ожидает объяснения теории Larant, то есть секты блоковцев ⁶², и уже настроена необычайно благожелательно. А я по началу плохо в это верю. Если это не пойдет далее «гносеологии» и пр., то мы не много узнаем. Он так мил с Алей, так ободряет ее своим отношением, что ему можно бы за это простить и блоковцев, но считать его непогрешимым я не могу. Его суждения часто неверны и даже безвкусны. Андреева ⁶³ и цыганские романсы. Сваливание в одну кучу всех новых романсов, суждение о Штраусе ⁶⁴, преувеличенные восторги перед д'Альгейм ⁶⁵. Но все это так понятно Але и Любе. Я даже не спорю. Зачем?

8 февраля. Петербург

Боря Бугаев уехал ⁶⁶. Люба парит на крыльях. Ее совсем признали царственно-святой, несмотря на злобу. Алю он любит и понимает, но я не верю в его слова. Не верю в такое величие Любы, в несомненность его религии. Семен Викторович повержен в прах. Всем-то он не нравится. Боря его чуть не возненавидел ⁶⁷.

А много в нем ⁶⁸ злобы и ненависти. Но в Любе-то сколько этого! И какое равнодушие! И как с ней трудно! А ведь на нее молятся. Все делает ее женское обаяние.

16 февраля. Петербург

Детки были милые, особенно он. Очень хвалили и ели мой пирог и ананас. Но и только. Другого я никогда уж больше не вижу.

Боря ⁶⁹ у них пророк, больше человека — провидец.

Я должна сказать, что Сашура ко мне относится лучше Али, он меня больше уважает и больше верит в мой вкус и мысль мою, что ли.

28 февраля. Петербург

Выходит так, что всем он ⁷⁰ насолил и всем (кроме Сашуры) не нравится и притом ужасно.

Она ⁷¹ ведь и меня часто готова избить за мой способ выражения и говорит мне: «Слово «жалкий» надо выкинуть, это надо оставить, это ужасное выражение». И сердится на меня за то, что я Олю нахожу жалкой, или готова меня съесть за то, что я сказала, что кто-то интересуется музыкой и т. д. Причем добавила: «У кого музыка проходит в жизнь, тот не станет ею «интересоваться», а для кого она только «интересна» и т. д.». Намек на что-то, и, очевидно, у Любы (которая, по ее мнению, удивительно понимает музыку) музыка проходит в жизнь, а я ей только «интересуюсь».

Сегодня пришла вот к чему. Я — не мистик, мне многое их — непонятно. Я не «чувствую конца» ⁷², не страдаю от «скуки и жизни». Не считаю, что счастье только «в зорях», находят эти «зори» очень аффектированными и часто даже сентиментальными и вообще нередко фальшивыми.

Она совсем не признает системы, науки, методов, воспитания, труда (кроме ручного), не понимает, что искусство, например, требует работы и приобретает все трудом.

Ведь однако же Боря, говоря про «зори», изучает философию и поступает уже на второй факультет ⁷³. Сережа ⁷⁴ — филолог. Миша ⁷⁵ был кладезь учености. Где же логика?

Боря не понимает Штрауса и новых русских, кроме Чайковского; еще Бородин и Мусоргского не понимает. Метнера ⁷⁶ своего раздувает, много совсем не знает — об старых итальянцах не имеет понятия совсем.

Надо идти на то, что я очень многого не понимаю и не чувствую. Однако Брюсова-то я чувствую не хуже их и Сашуру тоже. Сологуба понимаю и люблю. Андрея Белого люблю, хотя не так, как они. По-моему, они его раздувают и захваливают.

Устала от критики и презрения.

26 апреля. Петербург

Детки беленькие сегодня уехали ⁷⁷. Восхитительные. Отношения с Любой сравнительно с прошлой весной так хороши, что даже страшно ⁷⁸.

27 июня. Шахматово

Были Боря и Сережа. Это было важно. Боря совсем болен духом. Озлобленный, еще более нервный. Сережа всех потешал, но многое в нем не понравилось не одной только Але. Она совершенно его осудила. Если бы не его благодушие, дело бы кончилось ссорой. Но Боря за него рассердился и обидел Алю. Сережа внезапно исчез с вечера на целую ночь. Думали, что он заблудился в лесу, искали его, кричали, утром гоняли всех лошадей. Боря узнал в Тараканове, что он в Боблове. Он приехал в 3 часа и за чаем рассказал свое паломничество. Мистическая необходимость вела его от церкви до церкви в Боблово, а там на лай собак вышла Муся ⁷⁹ со Спотом ⁸⁰. Он объяснил ей, что заблудился, гуляя, она привела его в дом и т. д. Все это он рассказывал с шутками, как всегда, но делал из этого нечто похожее на странствие в пустыне Вл. Соловьева, только еще важнее. Закончил тем, что иначе поступить было нельзя, даже если бы все мы умерли от беспокой-

ства. Алю, и без того измученную, это взорвало, и она крикнула, что он дьявол и соблазн, и ушла. «Ты ничего не понимаешь, ты говорила глупости, тетя Аля» говорил потом Сережа. Аля говорила, что все это игра, что Сережа совершенно здоров и уравновешен. Боря сказал, что если бы она была мужчиной, он бы вызвал ее за это на дуэль. На другой день уехал скорее, чем было положено, причем передал Любе через Сережу записку с признанием в любви. Люба сказала это Але. Не знаю, сказала ли Сашуре. Неужели? Едва ли. (Да — нет). На прощанье Боря сказал Але: «Я Вас ужасно люблю А. А.» Сережа был, как ни в чем не бывало, и еще придет. Аля думает, что Борино отношение к ней совершенно изменилось, да и Сережино тоже. Ей очень тяжела перемена в Боре.

5 августа. Шахматово

Сегодня умер Пик⁸¹. Сашура рыл могилу и ему устроил сверху камень от флигеля, и дубовый венок.

Пик обожал Дидю, а потом Сашуру.

14 августа. Шахматово

У нас в семье разлад и тягота. Аля сама тревога и крайность, но часто права. Софа устала от нее и от Сашуры, хочется ей пожить тихо-мирно и как все.

Аля больная и не владеет собой, Люба жестокая, недобрая и грубая, Сашура часто жесток и парадоксален отчаянно. Они с Любой красиво живут, но эгоисты отчаянные и холодно с ними, особенно с Любой. Кабы Аля была здоровее, и не так невежественна, кабы Сашура был менее исключителен и жесток, а Люба была чуточку добрее.

20 августа. Шахматово

Боря уже объявил мир, написав Але хорошее письмо. Я счастлива. Дети уезжают на днях.

26 сентября. Петербург

Устроилась по-новому⁸².

Все уютно и крайне удобно и по-новому. Одобрено Сашурой вчера.

2 октября. Петербург

Играю, занимаюсь гармонией и читаю. Попалась мне «История философии» — Фулье⁸³, подаренная мне Сашурой.

С Любой уже нехорошо: была тяжелая история. Аля страдает безвинно. Опять Люба злая. Сашуренька добренький, но только не с Софой.

6 октября. Петербург

Неприятно мне еще то, что С. В. не отвечает. М. б., просто переехал, а м. б. совсем уехал. Во всяком случае, ничего про него не знаю и не знаю, как бы устроить, потому что Сашуру к нему не прогонишь.

18 октября. Петербург

У них невесело — Аля больная с жемчужно-тусклыми глазами, с головной болью, печальная деточка еще не оправился от Бориного письма⁸⁴ — Люба уже хмурится. Поговорили мы с Алей. Оказывается, что С. В. все-таки понравился, что его хотят у меня видеть в следующий же раз. В этот раз он всех покорила. Ну слава Богу! Хорошо, что я его разыскала и позвала. Теперь хорошая минута, потому что Боря только что сильно поштрафился, написав Сашуре ругательное послание с высоты своей пророческой власти. Все, т. е. Аля и Люба, возмущены. Одна детка написал смиренное письмо⁸⁵ и только огорчился. Боря выражается так: «Что ты делаешь? Готовишь избирательные списки? Говоришь речи?» и т. д. «Когда мы с Сережей обливались кровью от страданий, ты...» Ну что-то вроде того, что ленился. «Ты кейфуешь за чашкой чая!» Каков мальчишка! Люба назвала его свиньей, но избранить письменно не решилась, очевидно, боясь потерять

свой престиж. Что же сделал Боря и в особенности Сережа? Они обливались кровью? Какова чепуха! Уж Сашура-то скорее же обливался, но он не толкует о своих страданиях и ощущеньицах, как делают блоковцы. И Сережа и Боря в этом отношении страшно нецеломудренны. С. В. со своим цинизмом бесконечно целомудреннее их.

Пышнословы, болтуны, клоуны. Сколько в них фальши. Но я не смела этого говорить про Боря — нашли провидца. Верит тете Саше⁸⁶, принимая ее за чистую монету, а про С. В. сказал, что он может только продавать рояли, а не композиторствовать. Приписывает Сереже (!) какие-то страдания и не видит его фальши и сухости. Все это было бы очень приятно, но зачем все провозглашают его пророком и сам он это делает? Отношение к Любе, конечно, тоже часто совершенно неверное. Ну, да это понятно, а ведь Алю как смел обидеть, дрянной мальчишка. У, хотела бы я, чтобы Люба его и збранила и избидела.

Насчет Дункан они все, конечно, вздор говорят. Вспоминали еще сегодня ее смотренье на луну во время первой части сонаты «quasi una fantasia» и ее гимнастические упражнения перед рампой, даже некрасивые во время Allegretto. Это мировая жизнь, танцующая о будущем и идущая за пределы музыки. Относительно д'Альгейм тоже чепуха, конечно, и Борина статья⁸⁷ тоже.

25 октября. Петербург

Все толкуют о прелестях «вечного» Бори. Ох, уж мне эти прелести! В значительной мере они дутые. Эти молитвы с Мережковскими. Этот черный крест, носимый Борей при всем честном народе и потом так же разорванный. Его филиппики против Али и Сашуры. (Кто же тогда сам-то он?). Сережа поставлен выше их <1 прзбр.>, какое заблужденье и близорукость! Сережа и Люба превыше Али и Сашуры. Ну, пусть, Бог с ним! Не буду сердиться.

28 октября. Петербург

Боря написал Любе письмо, которое она хотела послать нераспечатанным (жаль, м. б., ей Сашура помешал). Он в ужасе от крови и «алого гроба», умоляет Любу спасти Россию и его, словом вздор и бред. Она написала, что, пока он не откажется от лжи, которая в письме его к Сашуре⁸⁸, она от него отступает, и чтобы он помнил, что она всегда с Сашурой. Молодец, белая шейка с золотыми волнами волос!

1 ноября. Петербург

После трех дней «итальянской забастовки»⁸⁹ я пошла к Але и встретила ее на дороге, идущую к тете Соне. Я проводила ее до конки и узнала много нового: получено письмо от Бори. Он разрывает с Любой самым резким образом, упоминает, что был в нее влюблен, и это уже указывало на то, что «все, что было», не то, а теперь, значит, «нет религии, нет мистики» и т. д., если она его не принимает и не отказывается от Сашуры (другими словами). У Али был по этому случаю сердечный припадок, Сашура в отчаянии, а Люба все приняла спокойно. Если случится что-либо страшное, т. е. Боря сойдет с ума или убьется, будет очень тяжело, но нельзя же ради этого позволить ему поносить Сашуру. И не может же Люба ради культа блоковцев это терпеть. Боря совершенно прав, признавая свою влюбленность несовместимой с чистым религиозным культом. Я-то всегда чувствовала и знала, что все эти пышные речи и мысли основаны только на Любином женском обаянии. Обаяние это исключительно, Боря поэт и не совсем нормален. Ну, это и приняло такие чудовищные размеры. Отношение же его к Сашуре для меня неясно. Что ему от него нужно? Ведь христианство он отвергает, дети тоже, что же тогда? И почему прав Сережа? Темно это. Все, во всяком случае, очень важно не мистически, а фактически; важно в смысле оценки Бори как пророка. Ведь он все основывал на Любе, а теперь ведь все здание разлетелось — что же осталось? Это, впрочем, не совсем фактическая точка зрения. Но что же Аля и Сашура, лишённые Бори и Сережи? Особенно, Бори.

2 ноября. Петербург. Ночью

Боря уже перейден. Никто не плачется, Аля сказала, что он часто ошибается и совсем не то, что она думала. Ура! Только бы он уцелел, глупый мальчик.

7 ноября. Петербург

Еще новость — Боря написал Сашуре покаянное письмо⁹⁰ (все берет назад), а Любе прислал подаренные ею цветы (лилии), повитые черным крепом. Красиво. Люба сожгла их в печке, не сморгнув. Аля превозносит ее любовь к Сашуре, а я поставила ей на вид, что это так понятно. Она говорила, что не могла бы так любить; я сказала, что я-то могла, и говорила, что и она бы так любила выбранного ею. Но это, в сущности, м. б., неправда. Разве она так любила? Кокетничала направо и налево во время этой любви. Это ли любовь истинная? Боря, очевидно, опомнился и уцелел. Аля продолжает считать его «Симфонии» пророческими.

21 ноября. Петербург

Ужас пришел: сейчас я от Али. Застаю ее одну в гостиной на отоманке; говорит мне «иди домой, те барышни не придут, там эти змееныши Менделеевы». Лицо бледное, все перекоренное мукой. Я не ушла. Расспросила, в чем дело. Вчера, когда она пришла от меня домой, ее Люба обидела. Аля пришла к ней и говорит, что страшно у них: венчальные свечи горели перед образом, который страшный (Аля находит, что это дьявольщина). Люба за эти слова ее упрекала долго и строго. Она слушала, потом оправдывалась, наконец ушла к себе. Люба ее вызвала и пробовала холодно поправлять дело, сказав: «Я не хочу с Вами ссориться». Ничего не вышло. Аля сегодня мучилась целый день. Мне говорила, что жизнь ее безобразна и унижительна и никому не нужна, что не убить ее — дурно, потому что это для нее было бы благодеяние. Что Сашура без нее хорошо обойдется, Францева жизнь ничем не хороша, а мне без нее будет лучше. Рассказала мне, как турок с вывалившимися внутренностями просил его расстрелять, а ему дали пить и от этого стало только хуже. И что она — этот турок. Говорила, что мы с Францем смотрим на ее желание умереть, как на большую блажь. А у Любы уже была одна истерика и Сашура рыдал (Аля слышала, а м. б., ей это казалось), а когда ушли сестра и брат, они ушли к себе, и начались жалобные Любины речи и Сашурины ответы. Не знаю, чем это кончится; за чаем Люба смотрела угрюмо.

22 ноября. Петербург

Слава в вышних богу и на земле мир! Сегодня Аля и Люба объяснились и помирились. Малышка⁹¹ сама пришла разговаривать и кончилось дело ее слезами и Алиными поцелуями.

Вдруг около трех часов Аля присылает Владислава⁹² с письмом, извещающая о радости примирения.

1 декабря. Петербург

В воскресенье вечер современной музыки. Прислал С. В. нам всем контрамарки и письмо мне; всех просил быть. Мы пошли. Очень он был этим доволен и ходил главным образом за Алей. Мне кажется, что после Сашуры она для него всех важнее.

Детка милая работает много. Соколов его пригласил в «Золотое руно» и вообще зовут в разные журналы и места.

3 декабря. Петербург

Вчера прихожу к нашим: ждут Борю Бугаева (только что приехал, ужинал у Палкина⁹³ с Сашурой и Любой). Пришел. Первые минуты были очень натянутые, потом обошлось, сидели до 12¹/₂ ч. ночи. Говорили много (весь чай) про Сережу; было опасно, но обошлось. Выяснилась окончательно его исключительная любовь к Сереже и полное к нему пристрастие при беспощадной строгости к остальным. «В Москве нет людей, кроме Сережи». Во

всей Москве! Все никуда не годятся. Ведь только что было почти то же про Сашуру и Любу говорено. Теперь «возврат» к Сашуре.

О Боре не хотят говорить, обиженные его несправедливостью, а м. б., и по-другому. А уж не спускается ли он с недосягаемых высот? Деточка был восхитительно мил и добр и говорил «за маму». Маленькая молчала и цвела рядом со мной, пышно цвела. Боря высказал большую сухость.

6 декабря. Петербург

С. В. запоздал к обеду⁹⁴, и вдруг явился Боря. Аля на седьмом небе, вся дрожит и чуть не плачет от радости.

Ушли оба⁹⁵ рано, почти в одно время. Боря говорил обычным языком, хотя без философских терминов к счастью. Але сказал, что вдруг перестал на нее сердиться и ей напишет подробно, что теперь об этом всем думает, т. е. об ее отношении к Сереже и пр. (был разговор в пятницу). С. В. говорил что-то скучное с Францем за обедом и временами прислушивался к Бориному бреду, который был иногда очень красив. Потом заговорили о «Балаганчике» и т. д.

Детка в это время сидел на ковре, обернувшись к Боре, и его кудрявая головенка была до того невинна и прекрасна, что С. В., очевидно, не выдержал и, обернувшись, вдруг наклонился к нему и, погладив его по кудрям, тихонько сказал: «Вы самый милый, самый хороший». Аля не поняла его движения, а я отлично поняла: сравнил его с Бориными трудными речами довольно-таки самомнительными и с Бориной лысеющей головой демона с характерными взъемами и острыми глазами под косыми бровями, он особенно пленился его несравненной красотой и детским невинным и добрым взглядом. До чего он был хорош в этот вечер. Давно такой не был. Это после ванны: личико порозовело, а кудри пушистые до того пышно вились, что нельзя было их не тронуть. А они говорили, что Боря похож на Любу. Я с негодованием не соглашалась и С. В. тоже протестовал.

16 декабря. Петербург

Он⁹⁶ ужасно, томительно тяжел, и они находят его легким. Аля говорит, что он похож весьма на Любу. Это с ее-то трезвостью, молчаливостью, спокойствием и его гомерической нервной болтливостью и залезанием в эмпирию. Я уж молчу на все это, до того мне чужда эта точка зрения, чего-то я и тут не понимаю, и мне действительно кажется, как говорит Аля, что это все вздор. Много, ужасно много, по-моему, вздору и крайностей, которые все отпадут, как многое уже отпало. Ведь, небось, не нравилось Але все вывезенное из Москвы⁹⁷ в первую поездку Сашуры и Любы. Сам Боря писал сатиру на «крайности мистицизма», а теперь что же говорит? То была «сказка демократа», а теперь Люба и спасение мира через нее. До чего глупы мне кажутся его вечные вопросы к ней и то значение, которое он придает ее ответам. Ну, умна она, ну, мудра, но ведь не развита-то как.

30 декабря. Петербург

Устала я, верно, что ли от людей и от музыки.

Все это улеглось от одного разговора с Алей вечером 24-го после елки, на которую меня позвали детки.

Пришел обедать позванный Алей С. В., которого все особенно радостно встретили.

А после обеда я подошла в гостиной к С. В. и заговорила с ним об его сонатах. Разумеется, не успели мы с ним сговориться, как нас перебила Аля, и разговор этот оборвался. Но зато немного спустя я тихонько сказала ему: «А что Вы думаете об цыганских романсах? Вот они считают, что они чуть не выше Бетховена». С. В. так и взвился, произошел взрыв и перепалка. Малютка в белом платье кричала: «Абсурд, абсурд! Вы бы лучше уж в этом не признавались!» Аля потемнела и бросила на меня злые взгляды, а ему бросила обвинение в нечистоте, как и Люба. Сашура говорил загадочные

фразы à la Боря: «Цыганский романс это Мармеладов, ночующий на барке» и т. д. Ежеминутно слышалось: «Боря говорит, Боря думает». Я кричала, что цыганские романсы — площадная пошлость. Аля кричала: «Несчастные вы академисты, около вас вырастает свежий куст и вы его не увидите». Словом, канонада.

После чай. Мирно. Я позвала их всех к себе вечером 28-го. «Это значит, будет елка?» — сказал С. В. Восклициания и эффект.

Малые запоздали, явились ⁹⁸, он в кофточке, она в белом платье, золотая и нежная, сияя свежестью. Веселые, с интересом, он шаловливый, требует подарков, пошли прямо в столовую.

Тогда я всех ⁹⁹ туда прогнала, заперла дверь, разложила подарки, и мы с Аннушкой зажгли елку, т. е. она зажигала, я смотрела. Я открыла дверь и всех позвала. Все вышло отлично. Детка сразу бросился к подаркам ¹⁰⁰, остальные смотрели на елку.

Ну, дети тем временем смотрели свои подарки, маленькая и елку, детка шалил. Подарки обоим очень понравились. Много было возгласов, шалостей, беготни и пр.

Ну, ели, грызли, пили, курили, репали какие-то задачи, фокусы. Франц раскладывал бесконечные пасьянсы. Разошлись около двух.

31 декабря. Ночью

Новый год встретила ¹⁰¹ хорошо, только Франц был грустный, но не сердился. Дети очаровательные, Аля же больная и крайне чувствительная.

Детка был шаловлив и восхитительно мил.

1906 г.

6 января. Петербург

Пришли Аля с головной болью, Франц, немного погодя, маленькие. Обед был хороший.

Маленькие были удивительно милы и просты. Сообщили С. В.: «А мы заказали сюртук».

Потом его упростили сыграть что-нибудь свое. Он вдруг согласился, сел за рояль при догорающей елке и столь нежно играл и пел, что все были очарованы.

Детка говорил: «Ах, как хорошо!» Люба и Аля: «Мне ужасно нравится».

Потом пили чай и говорили о семье, о том, что «не надо жить семьями», не живите семьями ¹⁰². Ах, как много тут было сказано умной правды и, право, без всякой грязи. Ушли около часу.

11 января. Петербург

Вчера поехала на великий праздник — в оперу «Золото Рейна». Приехала рано, там уже были наши. Сразу нашла их и радостная села на место. Ложа была праздничная, театр праздничный, люди тоже! Сашура и Люба были прекрасны.

12 января. Петербург

Сегодня пришли меня поздравить. Сначала Аля с цветами (розовые тюльпаны с ландышами!)... Потом пришли дети с букетом белых анемонов.

17 января. Петербург

Третьего дня была я у наших: обедала и пила чай.

Потом детка читал стихи и шалил, потом пришел Городецкий: разговоры о Вагнере и опять стихи.

26 января. Петербург

Была днем у наших. Читали «Удивительный балаганчик», новую пьесу Сашуры для «Факелов» ¹⁰³. Красота и новизна и богатство фантазии поразительные; то же сказал накануне сам Брюсов, но местами надо бы форму исправить.

22 февраля. Петербург

В воскресенье была у наших. Там обедали Marie¹⁰⁴ и С. В.

Во время чая пришел Боря от Мережковских — накануне на лекции состоялось знакомство Любы с З. Н.¹⁰⁵ и Дм. Серг. Мереж<ковск>ими, а в воскресенье они с Сашурой уже у них были и Люба очень понравилась. Общая радость (и моя тоже). Боря пришел об этом поговорить. Мережк<овские> хорошо говорили о Любе. «Я ужасно полюбил Дм. Серг! Я ужасно люблю З. Ник!» — восклицал Боря. Мне было отчаянно неловко всех этих излишних при С. В., да и ему было должно быть не по себе.

7 марта. Петербург

Вчера было Алино рождение. Ее засыпали цветами. Пришли свои, два раза был Боря, второй раз принес белую азалию. Дети подарили тарелки с розами. Все это хорошо, шоколад, веселая молодость. Но Аля была не очень довольна. Ей не нравятся Любино поведение. Она подражает З. Н., курит, приняла залихватский тон. Боря совсем в нее влюблен. Не знаю уж, чем это кончится. Аля долго отрицала опасную и дурную сторону этого. Говорила, что Сашура светел, что ничего и пр. А вчера она мне рассказала, что у Любы постоянно виноватый вид, а Сашура, очевидно, сделал ей сцену ревности. Она истерично хохотала и не пошла к Боре, как собиралась. Я не возражаю и не настаиваю, но отлично все вижу и понимаю. Такие же они люди, как все, и все это чепуха. Мне вчера было не по себе у них. О, какая разница с прошлым годом!

19 марта. Петербург

Вчера у меня опять обедал С. В. и в 9 часов с ним пошли к нашим ... у наших было двое Ивановых с молоденькой женой одного из них и Гюнтер (поэт немец из Митавы, переводчик Сашуриных и иных русских стихов).

После чая Франц ушел к Але. Все перешли в гостиную и Гюнтер читал много своих стихов и переводов.

2 апреля. Петербург

Вчера я была у наших. Люба больна: жар, лежит в постели. Сашура ходит потерянный, Аля сердится, злая. Была история с Аннушкой.

Аля мне вчера говорила про Аннушку много дурного: «Развратная, хамка, ведьма, мразь, публичная женщина, лентяйка, фальшивая» и т. д. ...

Я не возражала, а в душе думала ... а ты, когда будто бы глубоко любила Тар<таков>а¹⁰⁶, не кокетничала, не целовалась со всеми и вела себя вызывающе?

Радовалась Аля, конечно, и извержению Везувия: «только мало погибло» — сожалела она, — «к несчастью многие спаслись» — «Скорее бы уж вся эта недотыкомка кончилась».

9 апреля. Петербург

У Али была сегодня. Интересно, как идут события. Отношение к Боре совершенно поколеблено и Любу не считают ни мировой, ни священной. Боря уже не архангел с мечом, не непогрешимый, а безумно влюбленный и очень жестокий мальчик, тупо внимающий каждому слову Любы. Сашура ревнует — Люба рвет и мечет из-за того, чтобы не помешали ей видеться с Борей. Напротив того — Аля перечитывает письма С. В. к Сашуре и говорит о нем с нежностью. По выдержкам письма эти действительно прекрасны: и красивы и полны нежной любви к Сашуре, и умны и метки, и нет в них чуши и фраз.

15 апреля, поздно. Петербург

Прихожу, узнаю от Наливайки, что у Али болит голова. Спрашиваю, что экзамен¹⁰⁷, мне отвечает Люба: весьма! Радуюсь, поздравляю, вхожу в Сашурин кабинетик, его нет, там Пестовский с Любой вдвоем. Аля при-

ходит, идем в столовую. Она ужасно страдающая, в платке и злая, презлая.

Она мне рассказывает все и между прочим про Бору: написал длинное письмо Сашуре, где сказано между прочим: «Один из нас должен погибнуть, я увижу ее живую или мертвую; кто думает, что это только влюбленность, тот ничего не понимает». Выверты!! Аля говорит: «влюбился, как сумасшедший». Что-то сделает Люба и что будет дальше.

17 апреля. Петербург

Вчера Аля заходила ко мне, гуляли вместе. Рассказала мне про Бору: явился вчера — жалкий и обципанный, было с Сашурой очень натянуто, а Люба спокойна.

25 апреля. Петербург

Боря на будущий год здесь поселяется. Бог с ним!

31(?) апреля. Петербург

Аля худеет и седеет с каждым днем. Говорила, что они с Сашурой, бледнея от умиления, читают о Думе¹⁰⁸, а она с Францем спорит отчаянно.

1 мая вечером. Петербург

Аля говорила про нее, что они с Сашурой вдруг перестали верить в Борину силу, что этот красивый волчок вдруг упал на сторону и поет все одно и то же. Предсказание С. В. начинает сбываться. Сашура даже не простилась с Борей и не имеет никакой потребности с ним говорить. Последняя Борина статья не понравилась никому из них, а, вероятно, она не хуже других. Люба одна еще держится за своего поклонника и бережет его душу, что обязалась делать. Глупенькая, воображает, что помогает ему. Ну да, помогает сильнее влюбляться и окончательно гибнуть. Что же будет на будущий год!

5 мая. Петербург

Сашура, слава Богу, выдержал экзамен по первому разряду.

11 мая. Шахматово

Завтра приедут дети.

24 мая. Шахматово

Аля говорила мне сегодня со слов Сашуры: «в наше время ангелам не на что радоваться, это время чорта: зелено-лиловое (Врубель), все демоническое: музыка, литература, живопись; самые лучшие люди мерзавцы и эгоисты» (сам Сашура или сама).

Больной Боря сказал в бреду, что Чайковский колдун, и все они ему поверили.

25 мая. Шахматово

Между прочим выяснилось окончательно, что она¹⁰⁹ пригласила его¹¹⁰ в Шахматово только потому, что думала, что этого хочет Сашура. Потом оказалось, что Сашура этого страшно не хочет. Созналась, что его зовут они часто из жалости, чтобы его покормить. И зачем это я их познакомила?

2 июня. Шахматово

Как трудно мне с обеими сестрами и как бы хорошо было пожить врозь с обеими. Софа убога до удивительности: ничего не знает, не подозревает даже о возможности выглянуть за пределы своего мира. — А мир этот, о Боже мой! Неразвита как, бедна. Аля же, яркая и интересная; Аля до чего беспорядочная, невежественная, не систематична, и какой трудный демонический характер, да еще и ненормальность. И Сашура тоже. Трудно с ними.

5 июня. Шахматово

Все внутри вскипает от многого, многого, что они говорят. Софины мнения о либералах, о Думе и пр., а с другой стороны Алино отношение к крестьянам, к прислуге¹¹¹. Разговоры о Боге и Антихристе, о конце, о послед-

нем, о Любе — много еще. Все это мне ужасно тяжело слушать. А о музыке? А о любви и жалости?

Как насмешливо стали относиться ко мне и Саша и Люба. Что делать? Надо терпеть и таить в душе обиду. Насколько Аля и Саша нежнее к Краббу¹¹². Они в самом деле любят его больше меня.

6 июня. Шахматово

Сегодня опять у нее¹¹³ был припадок и после этого до того она была несчастна, до того страдала, так боялась, что сходит с ума, что сердце мое совершенно растаяло. Саша и Люба даже ее пожалели, и он уговорил ее идти с ними гулять. Мы остались с Софой, я рассказала ей про Алю, и она первая сказала: «Я думаю иногда, уж лучше бы она умерла». «Я давно это думаю» — ответила я и рассказала ей, что бывает каждую зиму.

12 июня. Шахматово

Говорили о браке, Аля выдала меня с головой тете Соне. Пошли охи и ахи, и начался длинный спор. Мы с Алей были против остальных, Сашура тоже был скорее за нас, Люба страшно волновалась. Софа негодовала, как всегда бывает. Аля говорила, что оно как будто и то же, что она говорит, да музыка не та, что-то чужое (и Сашура тоже сказал). Аля явно опять намекала, что все это не мое, и Софа то же, очевидно, думала. Эти намеки¹¹⁴, я часто слышу и чувствую.

22 июня. Шахматово

Скучно мне, скучно с ними! Кажется, они этого не видят. Слава Богу! За исключением смешных разговоров, когда нас смешит Сашура — все почти скучно.

Приедут их милые гости и опять будет то же: Антихрист, Христос, черт, Андрей Белый, мистические моменты, «Знание». Ох, надоели!

27 июня. Шахматово

Люба сообщила, что Боря издает все «Симфонии» с посвящением ей: «Сестре и другу Л. Д. Б.». Каково кривлянье и фальшь. Я сказала: «Возбуждаю иск против хронологической неточности. Когда были написаны первые «Симфонии», об сестре и друге не было и помину¹¹⁵. Аля начала: «В душе моей с начала мира» и пр. Я сказала: «Едва ли это образ сестры и друга мог быть запечатлен с начала мира. Тут коренная неточность». «Каково ехидство» — сказала Аля. Люба вспыхнула: «Как тебя не любит Боря, это даже удивительно!»

4 июля. Шахматово

Ушла от них потому, что не могу с ними говорить. Чужды мне все их взгляды, их мистицизм, их отношение к жизни. Мне кажется все это глубоко фальшивым, особенно странны все эти речи в устах Любы — она переняла всю эту условную терминологию и будто бы все это ей вполне понятно. — «Зелено-лиловое время», «недотыкомка» и пр.

13 июля. Шахматово

Получила от лавочника «Русское слово» и то слава богу. Масса интересных подробностей¹¹⁶. К счастью, Аля и Сашура, наконец, заинтересованы. Не Люба, конечно, Она получила «Modenwelt» и письмо от Бори.

1 августа. Шахматово

Сашура говорит о величии социализма и падении декадентства в смысле ненужности. За общественность, за любовь к ближним. До чего мы дожили.

7 августа. Шахматово

Много чего надо записать. Во-первых, чужие дела. Завтра Сашура едет с Любой в Москву по делам своей книги, но, главное, объясняться с Борей. Дела дошли до того, что этот несчастный, потеряв всякую меру и смысл, пи-

шет Любе вороха писем и грозит каким-то мщением, если она не позволит ему жить в Петербурге и видаться. С каждой почтой получается десяток страниц его чепухи, которую Люба принимала всерьез; сегодня же пришли обрывки бумаги в отдельных конвертах с угрозами. Решили ехать для решительного объяснения. Аля страшно боится, что он будет стрелять в Сашуру. Завтра предстоит тяжелый день ожидания до поздней ночи. Хорошо, что я все-таки с ней. Они оба уверяют, что все кончится вздором, смеются и шутят. Люба в восторге от интересного приключения, ни малейшей жалости к Боре нет. Интересно то, что Сашура относится к нему с презрением, Аля с антипатией, Люба с насмешкой и ни у кого не осталось прежнего. Все не верят в его великую силу. Аля все еще повторяет его слова, считает его человеком необыкновенного ума и талантов. Странно мне это слышать, но перемена все же большая и теперь. Аля сама вспоминает пророчества С. В. насчет того, что перестанут любить Андрея Белого. Отношение С. В. и мое целиком принимается, однако, за ревность. В голову не приходит то, как можно смотреть на Борино кривлянье, глупости и вычур, и как невыносимо досадно смотреть на восторги по поводу всего этого. Вот, однако, до чего довела Люба свою тщеславную и опасную игру в дружбу и сродство душ с отчаянно влюбленным молодым поэтом. Гибели его она не боится, она ей не страшна. «Она сильная и все в будущем» — говорит Аля. Хороша сила! «Думала ли я, говорила сегодня Аля, что дойдет до этого! А я ж считала Любу такой мудрой и верной!»

8 августа. Шахматово

Саша с Любой вернулись из Москвы. Все благополучно. Виделись с Борей. Поговорили 5 минут. Поссорились, разошлись, но он не намерен прекращать сношений и не верит в то, что Люба к нему изменилась. Саша взял из «Скорпиона» свое посвящение Боре в новом сборнике стихов¹¹⁷. Слава Богу! Разумеется, выйдет сплетня. Боря был, как всегда, безвкусен до крайности (общее мнение). Люба думала, что я буду злорадствовать. Не понимают они меня.

Еще одно: приписываемая Сереже статья, т. е. рассказ в «Золотом руне», не его. А ведь как утверждала Люба, и Аля верила. Все это заставляет меня только лучше относиться к Любе.

14 августа. Петербург

Сколько в ней¹¹⁸ прекрасного, но до чего ужасно ее влияние. Ведь приходится вполне согласиться с Любой. Да, можно прямо бояться ее влияния. Она отнимает силы, расслабляет, разбивает человека.

24 августа. Петербург

Была у наших, только что вернулась. О, сколько важного произошло без меня. Главное то, что дети решили отделиться и зажить самостоятельно; гачалось это еще в Шахматове, а сегодня, по приезде их, Люба смотрела уже первые квартиры и при мне решено окончательно, что они уходят. О, как жаль было Алю, как робко она просила их остаться. Какой это удар для нее, хоть и знает она, что так надо. Но скрепилась и решила все принять бодро. Детка был удивителен: мягкий, добрый и вместе мужественный; как он вырос нравственно за это время; говорит, что все больше склоняется к социализму, а если останется, обленится и все пойдет прахом. Любе не хочется, жаль комфорта, баловства и беззаботности, но идет за ним, конечно. Франц жалеет, что уходят. Это главное. А еще: Боря вызвал Сашу на дуэль. Посылал секунданта в Шахматово. О, глупый! Конечно, дуэли не было. Секунданта Кобылинского сначала Люба отчитала, потом с ним оба страшно подружились и Боря уже прислал покаянное письмо¹¹⁹. Еще третье: Сережа женится на крестьянке, поссорился с бабушкой и со всеми своими и революционер. Вот, они как хватают, молодые-то наши! Борю Саша мягко и великодушно защищает, а Аля бранит дрянью, тряпкой, луном и пр.

2 сент. ября. Петербург

Теперь меня беспокоит одно — Аля. Сегодня уехали Саша и Люба¹²⁰. Она проводит без них первый вечер.

21 октября. Петербург

Какие новости? Сначала про Алю и Сашу. Люба в дурной полосе — не любит, когда к ним приходит Аля, а недавно при мне очень ее обидела. Был длинный, тяжелый и ненужный разговор, в котором Аля, по обыкновению, унижалась. Требовала любви и доверия там, где этого нет. Странная это у нее манера. Дело в том, что Боря Б.¹²¹ уехал в Мюнхен по Любину желанию, предварительно видевшись с ними здесь и наделав массу глупых и несимпатичных вещей: грозил убиться, но не убился. Она разрешила это, выбрав вместо отъезда. Он, однако, сам предпочел уехать. Напечатал в «Руне» фантастическое нечто («Куст»)¹²², изображающее прекрасную огородникову дочку с «ведьмовскими глазами», зеленым золотом волос и пр., которую насильственно держит дьявольский царь, прячущий ее от Иванушки-дурачка, а она-то его, Иванова, душа и т. д. Потом Куст уже является в качестве «красивого мужчины» с синим пятном на щеке и т. д. Этот бессильный пасквиль взбесил и разволновал Алю — Люба ни гу-гу ей, а сама оказывается, написала Боре, что не желает больше иметь с ним дела. Он ответил, перевернувшись на каблучке, что не имел в виду ни ее, ни Сашу, т. к. Куст его царственный, а Сашу он очень уважает и ценит — и т. д. Словом, Люба как бы разорвала с ним. Аля упрекала ее в том, что она ей ничего не сказала, не захотела ее успокоить, а та говорила: «А вы зачем не поверили? а зачем вы меня в копыя приняли?» и т. д. Разумеется, Аля была посрамлена, а она (по своему мнению) возвеличена. Удивительно ко всему этому относится Саша. Без всякого раздражения; только Борина болтовня и кривлянье ему надоели. Ну, он-то великодушен и крупен необычайно. Ее же я считаю довольно обычно тщеславной и самолюбивой женщиной, но исключительно здоровой, страстной и обаятельной, а также способной, не интеллигентной, а именно способной. И недобрая она, и жестокая, ух — какая. Ну, довольно с ней. Саша написал драму «Король на площади». Нам с Алей она не нравится, а молодежь от нее в восторге. Еще событие: ее читали в клубе Комиссаржевской и она произвела бурю. Актеры восхищаются, литераторы не только критикуют, но шипят и злоствуют. По-моему, драма наивна, невыдержана, идея сомккана, конец никуда не годится и не мотивирован, а подробности прекрасны. Но успеху я несказанно рада. Брюсов, Соколов и «Руно» просят драму наперерыв. Какой-то итог успехов Любы. Была мила с актерами и до дерзости неприятна с литераторами. Все это мне рассказала Аля на днях, когда я провела у нее от 5-и до 11-и. Сама она боится сойти с ума, говорит, что ее стережет безумие и описывает страшные и тревожащие состояния своего духа, т. е., вернее рассудка. И я за нее боюсь. А Франц, который с полком на охране в Кронштадте, впервые распорядился (заочно) расстрелом политических преступников и вернулся совершенно потрясенный, с другим лицом, другими чувствами, мыслями и словами. Это трагично, но сближает его с Алей. Вот, сколько нового у них.

Прервал меня звонок и письмо С. В. Письмо очень замечательное. Все сплошь о Саше и о том, что художнику надо писать и творить: «для всех», что это гибель, что он не «проявляет себя» и довольно.

1 ноября. Петербург

Вчера мне было очень приятно и интересно у Али... Он¹²³ не опоздал... Фея¹²⁴, Ася¹²⁵ и инженер¹²⁶ приехали поздно.

Саша читал стихи. Понравилась очень «Незнакомка». Одобрены разные «Чертенята»¹²⁷.

29 ноября. Петербург

Была у Али 3-го дня. Были дети и Франц. В виде особого развлечения хорошенькая такса, которую принесла Люба. Пришел еще Городецкий.

Я смертельно устала и под конец совсем загрустила. Насилу досидела до 11-ти часов. Несмотря на всю свою утонченность, они меня не удовлетворяют. Я страдала от их скачков, от их жестокой нетерпимости, безапелляционности, односторонности и невежественности. Боря прислал скверные стихи Саше и обоим два безвкусных портрета. Едет в Париж, к Мережковским.

Саша едет в Москву на *jury*¹²⁸ в «Руно» или «Перевал».

25 декабря. Петербург

Праздники наступили. Вчера у Софы пили чай с елкой. Аля сидела с Розановым, тот завел с ней разговоры об анархизме и религии. Очень умен и многое знает, с другой стороны. Катя Бекетова¹²⁹ глумилась, т. е. главным образом насмешничала. Адам грубо врывался с пошлостями, пытаясь прекратить этот «неуместный разговор». Аля доверчиво пошла на удочку Розанова и совершенно высказалась, принимая его за своего. А говорит, что понимает людей, а я не понимаю и доверчива. Бывает и обратное. Аля рассказывала интересные вещи про Семенова¹³⁰. Тот вернулся из тюрьмы временно. Очень горд и надменен. Думает, что правы одни социал-демократы и презирает поэтов. Признает только Андрея Белого.

29 декабря. Петербург

Вчера была на генеральной репетиции «Балаганчика» в числе нескольких литераторов, актеров, Али с Любой. Автор не то Аполлон, не то ребенок и ангел, мелькал то там, то здесь головой поэта. Он был доволен и весел и не боялся провала, и не сердился на плохих актеров. Люба веселилась в театрально-почетной остановке и все находила прекрасным. Аля страдала на все лады, то тупостью, то остротою чувств. Во время «Балаганчика» чуть не плакала. Ну, это понятно. Завтра первое представление. Будет много родственников, но не все. Как-то примет публика? Что будет, не знаю. Вчера в антракте или перед представлением познакомилась с Урванцовым¹³¹. Олицетворенное добродушие.

Вечером была у тети Вари¹³². Скука и ненужность. Исполнила долг и раньше всех уехала. Да, еще Кузмин. Музыка к «Балаганчику». Талантливо, воздушно, грустно, но не то, что говорила Люба — совсем не то, и не то, что говорила Аля.

31 декабря. Утром. Петербург

Вчера было первое представление «Балаганчика». Публика первых представлений: литераторы, художники и музыканты из новых. Несколько дам, причастных к искусству и, конечно, родственники. Учащейся молодежи сравнительно мало; только интересующаяся искусством, так или иначе. Сначала шел «Балаганчик». Играли значительно лучше, чем на генеральной репетиции, все прошло гладко; постановка, несомненно, красива и оригинальна. В общем, празднично, святочно и везде, где стихи, веет благоуханной поэзией. Во время действия был всех время хохот в толпе учащейся молодежи, среди грубых и некрасивых лиц. В конце пьесы раздалось шиканье и пронзительный свист, но все покрылось громкими и дружными аплодисментами. Много раз вызывали автора, он вышел и показался во всей своей юной и поэтической красоте. Шиканье, свист и гром аплодисментов. Ему сейчас же бросили из первого ряда белую лилию и фиалки с зеленью. Это была Метнер¹³³ (художница, за которой когда-то ухаживал Гиппиус¹³⁴). Осип Дымов¹³⁵ почему-то бросил ему свой портрет — непонятная честь! В общем, успех. Публика, разумеется, избранная, не то будет потом, и интересно, что скажут газеты. Родственники не бранились, Софа нашла, что все лучше, чем ожидала. Автор и Люба сияли. Я бегала сверху вниз и обратно, говорила с Алей и Софой, прислушивалась к разговорам. Сидела я рядом с Асиным инженером, несчастная, а рядом с ним сидел Сологуб.

Итак, «Балаганчик» поставлен и был. Известность Блока растет. Потом был «Св. Антоний» Метерлинка. Пьеса реальная, можно сказать, и некраси-

вая, но сколь глубокая по идее. Она имела успех, всем понравилась, но публика хохотала, как во время настоящего фарса. Я видела Сашу на сцене среди актеров, как автора, и на секунду за кулисами: только пожала ему руку. Он говорил с Урванцевым и еще кем-то.

1907 г.

2 января. Петербург

Вечером надела перешитую белую кофточку и поехала к дяде¹³⁶. Там было обычное родственное собрание. Дядя еще до Али говорил со мной о «Балаганчике» и очень сердился. Сказал, что это нахальство, что все можно сказать и обвинить в непонимании, что это кружковская литература, ерунда, никому ненужная и пр. За ужином сели мы с Алей... звала сегодня на «Балаганчик»... Говорила, что ей грустно в новый год без деточки, вчера они у нее обедали. Всю ночь после «Балаганчика» прокутили; «бумажный бал»¹³⁷ у одной из актрис.

24 января. Петербург

Купила «Нечаянную радость». Не знала, куда ее положить, читала благоговейно. Есть слабое, ненужное, непонятное, но есть столь благоуханное, что не знаю, где в поэзии равное этому. Какие слова и образы! На панихидах¹³⁸ был прекрасен. Иногда неумолим, но иногда вдруг добр. Как это несравненно. Со старушкой¹³⁹ вчера во время отпевания был кроток, добр и прекрасен. Как я его люблю. Это что-то редкостное.

31 января. Петербург

На днях была у Али на рождении Франца. Все равно, что там было, но когда все ушли, Аля сообщила мне нечто очень важное: Саша сам рассказал ей, что влюблен в актрису Волохову (все началось с «Балаганчика»). Он за ней ухаживает, с ней катается; пока, как он сказал, они «проводят время очень нравственно» (странно слышать такие слова от него) и, кроме того, он же говорит: «влюбленность не есть любовь, я очень люблю Любу». Люба ведет себя выше всяких похвал: бодр, не упрекает и не жалуется, была одна на вечере у Али, он ушел, кажется, в театр Комиссаржевской. Все это вполне откровенно и весело делается, но Любе говорится, например, на ее предложение поехать за границу: «С тобой неинтересно». Каково ей все это переносить при ее любви, гордости, самолюбии, после всех ее опьяняющих триумфов. Мне жаль ее до слез. Она присмирела, ласкова и доверчива с Алей и говорит: «Ведь какая я рожа, до чего я подурнела!» Мне невыносимо думать, что она страдает и плачет, а между тем, как говорит Женя Иванов, м. б., это ей на пользу. Да, м. б., но кроме жалости к этому цветку, и в сущности ребенку, ужасно еще и то, что сказка их, значит, уж кончена. Если он и вернется к ней, то уж будет не то, та любовь, значит, уже исчезла. Это, конечно, брак виноват и, кроме того, полное отсутствие буржуазных и семейных наклонностей у него. Она из верных женщин и при том его пленительность сильнее ее. Она всегда шокировала его известной вульгарностью, а он ведь как есть поэт, так всегда им и бывает со всем своим обликом. Пострадать ей, конечно, надо, но — боюсь я за нее. Ведь согнуться она не может, как бы не сломалась и не погибла. Ведь годы самые страстные — всего труднее мириться. А поклонников нет. Боря потерял свой последний престиж, а других-то нет. Аля говорит: «это все влияние Вячеслава Иванова». Какой вздор! Еще прошлой весной уж была «Незнакомка», а теперь вот она и воплотилась окончательно. Разве поэт, создающий такие женственные образы в 25 лет, может быть верен одной жене?

Люба все-таки не красавица и красавицы ей опасны, а Волохова красавица. Не даром думала я об искушении маскарада после «Балаганчика». Да, я боюсь за Любу.

4 февраля. Петербург

Третьего дня была у Али. Там был Саша. Аля мне вчера сообщила, что он хочет жить отдельно от Любы.

В Любу влюблен Чулков, который с женой разъехался. Люба с ним кокетничала и провела чуть ли не целую ночь в отдельном кабинете и катаясь. Последнее мне уже совершенно непонятно. Франц думает, что это надрыв. Аля говорит, что нет, а я думаю, что это средство забыть червя ревности, обиды, горя и оскорбленного самолюбия, который ее съедает. Аля говорит, что она «это» превозмогла. Она, конечно, поразительно хорошо это все переносит, но, конечно уж, не легко. Сама Аля мне в прошлом году говорила, что она превозмогла, но что у нее нет любви и что «этого нет», а сама до сих пор очень неравнодушна к мужчинам и признает одну эротику. Ничего она не превозмогла.

Аля опять затосковала по С. В. ... Саша и Люба тоже хотят его видеть, чтобы поговорить о разрушении семьи.

8 февраля. Петербург

Пришла Аля. Страшно обрадовалась блинам и была все время добрая и милая.

Все мне рассказала про детей и про Кину. Ну, они пока не хотят разъезжаться. Это, конечно, проще, т. е. удобнее, но не знаю уж хорошо ли. Ведь он уже серьезно любит Волохову, а Люба (с горя по-моему) кутит с Чулковым. Уверяет, что не страдает, но мы ей не верим. Как далеко это все от того, что было летом. Где ее гордая уверенность в своей неотразимости? Но смириться она все-таки не желает.

15 февраля. Петербург

Была на днях у Али вечером. Застала у нее Кину и детей. Последние новости того дня такие: Волохова не любит Сашу, а он готов за ней всюду следовать. Люба совсем полюбила Чулкова и с ним сошлась. Хотели разъезжаться, но почему-то решили этого не делать. С этим и пришли к Але, которая в отчаянном виде сидела с Киной. У нее за обедом было «все другое». Аля в восторге от Любиной «силы» и вообще от нее; та благосклонно принимает обожание: победоносна на манер прошлогоднего. Я не люблю ее такую и даже думаю, что не начнись этого всего в прошлом году¹⁴⁰, Саше было бы лучше. Ну, не знаю. Аля только и боится, как бы они не разъехались, считая, что Люба — Сашин Ангел-Хранитель. Мне кажется, однако, что жить им вместе теперь не имеет смысла, и если она и прежде больше занималась собой, чем им, то что же дальше? Она мечтает об карьере актрисы, декламирует стихи, намереваясь все создать сама и хочет быть трагической актрисой. Я ожидала многого от ее декламации, судя по ее безграничной самоуверенности, а вышел полный диллетантизм. Хорошо сказала она только два стихотворения Вяч. Иванова. Городецкий был плох. Бальмонт тоже, Брюсов тоже. Кина со слезами бросилась перед ней на колени после «Кубка» Брюсова, а Саша стал злиться и говорить ей резкости. Я начала критиковать, и Люба мои слова принимала прекрасно. Саша после чая замолк, омрачился и уселся в стороне. Кина говорила пошлости, и Аля была очень довольна, да и Люба кажется тоже. Он злился и из всех их он один был мне бесконечно близок, хотя я нисколько не злилась. Они мешали его строю. Он читал из «Снежной маски». Оказалось, что это перлы, а Аля говорит, что слабо. Вяч. Ив(анов) тоже великокопеп, а она его не признает совсем.

Все это меня ошеломило. Саша несчастлив, Люба взяла любовника после всего того, что она говорила летом и осенью. Как она обижала Алю, как возмущалась тем, что я сказала: «Еще неизвестно, так мало прошло времени»¹⁴¹. Как она презирала измену *одной* любви. И все мы так этому верили. Еще на днях Аля мне говорила: «у нее верное сердце, она всегда будет любить Сашу». Как затрудняют все эти родственники. И вдруг у Любы будет ребенок.

18 февраля. Петербург

Третьего дня была в «Беатрисе». Конечно, видела бледный профиль, сияющий золотыми, матовыми кудрями¹⁴². Ведь «она»¹⁴³ играла игуменью и было последнее представление «Беатрисы». Подошел ко мне во втором антракте, дал мне билет и был мил со мной.

28 февраля. Петербург

Вчера была у Али. Обедала с Киной. Люба уехала на масляницу с Мусей в Боблово. И превесело уезжала. Это еще раз доказывает мне, что никакой любви у нее к Чулкову нет, а есть потребность поклонения и наслаждений. Любовь ее прошла, м. б. еще кого-нибудь будет любить, но не теперь. Говорит, что надо себя найти, себя потеряла. Все они верят в ее силу. Да, она не киснет, не унывает, не жалуется, не тоскует и т. д. Она мажорная. Это без сомнения сила, но это не сила любви, идеи и пр. Это сила здоровья и жизни только. Я думаю так. По моему, этого мало. Смелость есть тоже, даже дерзость. Все инстинкт, только инстинкт. Саша страшно злой, говорила Аля, как она сама.

12 марта. Петербург

У Али еще раз была без Любы с Киной. Волохова полюбила Сашу. Люба вернулась, но я ее не видала.

27 марта. Петербург

А Люба опять завела с Чулковым — не знаю уж, как и назвать. Ан. Белый в Москве. Пожалуй сюда еще явится.

6 апреля. Петербург

Третьего дня она¹⁴⁴ у меня была: мила, оживлена, нарядна. Мы с Аннушкой, разумеется, ее обласкали и захвалили. Она, злодейка, все принимала, как должное. Рассказывала мне про Сашу, Любу и Женю¹⁴⁵, которые у нее накануне шалили и дурачились целый вечер. Сожалела об их не нравственном поведении, недоумевала. Да, есть о чем сожалеть и недоумевать.

Толковать о том, настоящая или не настоящая Люба и Нат<алья> Ник<олаевна> и пр. совершенно праздное занятие. Все это сущая чепуха, конечно. Вечной любви и вечной страсти, как у Тристана и Изольды и пр. больше нет. Саша и Люба вообще не Тристан и Изольда. Для того нужна была первобытность обстановки и чувства и, кроме того, — препятствия. Они новые, потому что все себе разрешили, а судьба помогла им тем, что у них нет детей, которые бы усложнили вопрос. Люба существо бесконечно жизненное и вполне эгоистическое, жаждущее прежде всего поклонения и наслаждений; он — поэт с исключительно страстным темпераментом и громадным воображением. Ну, любили друг друга несколько лет до своего брака и 3 года в браке, ну была сказка и юность, первые ее цветы. Теперь наступило иное. Ему нужна «смена эмоций», да, не более, и поэтому он полюбил именно Нат. Ник., которая до того противоположна Любе. Люба, немедленно, ему изменив и бросившись в объятия первого встречного мужчины, все еще не может перестать сердиться на разлучницу и время от времени «себя ищет» и желает быть дробродетельной, ждет, что та «провалится», а он к ней вернется. Едва ли это так будет. Разлюбит он и ту, конечно, а потом полюбит другую и к Любе временно вернется, но это будет не то, совсем не то, о чем она мечтает в своем наивном самообожании.

5 июня. Шахматово

Живем недурно. Люба настойчиво готовится к сцене и ждет Сашу. Аля с Францем ждут своего перевода¹⁴⁶. Слухи и шансы плохие. Страшное несоответствие Али с Францем ужасно. Все назревает по-моему. Она сгорает в этой борьбе. Ее «я» беспрестанно приходится мять ради семейно-карьерных соображений. О, зачем не оставила она его давно, тогда было бы легче. Теперь его, почти старого, не оставит, да и сама на ломку уже не способна.

Она сломана жизнью, но и в этом еще не потеряла огня, красок и аромата. Сколько в ней обаяния. Какая сила страдания, сколько магнетизма и власти и какая женственность.

11 июня. Шахматово

Приехал вчера неожиданно Саша. Большая была радость в первую минуту.

Люба счастлива приездом Саши, но до какой степени все другое теперь. Подурнела она беденькая, загорела, носит некрасивую прическу, стала похожа на Мусю. Я сочувствую ее сценическим упражнениям, но что-то не верю ее будущему успеху. Но где ее самоуверенность и победоносность? Где сияние красоты и властные чары? Ничего нет. Он же ушел вперед страшно далеко за эту зиму. Он действительно известный поэт, им дорожат, все его знают. Он, конечно, говорит и думает только о своем, но кто же этого не делает?

15 июля. Шахматово

Завтра приедет она ¹⁴⁷, моя прекрасная, несчастная и страшная сестра. Жду ее ужасно, нежно люблю, но побаиваюсь. Первый период лета прошел. Что же будет? Не <1 нрзбр.> ли она меня бедную. С Любой хорошо. И дитя приедет. Оно тоже страшное: строгое и часто жестокое, и прекрасное. Все они такие.

7 августа. Шахматово

Ровно через год опять кошмар Андрея Белого и дуэли ¹⁴⁸. На этот раз вызывает Саша, потому что тот написал ему письмо полное оскорблений, которых и он не вынес: обвиняет его во лжи, пишет, что хотя и подаст ему руку, если встретятся, но лучше не встречаться ¹⁴⁹. Саша написал, чтобы он взял свои слова назад или прислал секунданта ¹⁵⁰. Разумеется, тот пришлет секунданта. Они опять, как дети. Он понятен — этому чистому духу и смерть ничего. Но она, которая причина всего этого, мне непонятна. Ну, да бог с ней. Дело не в ней, а в нем.

14 августа. (Шахматово)

Дуэли не будет, Ан. Белый «охотно берет свои слова назад» и не желает дуэли ¹⁵¹. Прислал ворохи «декадентских ведомостей», как я называю его послания. Аля чуть не убилась с горя. Тяжелая была неделя. Сегодня утром сильно досталось Софе. Аля наступала ей на горло, стирая ее с лица земли.

26 августа. Шахматово

Уехала Аля из Шахматова. Поехала ко мне на квартиру из экономии и чтобы не жить у Кублицких ¹⁵². Последние дни страшно обижала Софу. Вообще, это лето они с Сашей ее совершенно сживали со свету. Мучительно было на это смотреть.

Саша сделал большие успехи в распущенности, безжалостности и эгоизме. До чего он бывает груб. Ведь этого прежде не было. И это именно с Софой, хотя и с Алей бывает тоже и со мной, и с Любой. Софа при нем теряет последнюю гибкость, а я делаюсь пошла. Что же это, наконец, будет? Люба всему потакает. Съездил он в Москву. С Андр. Б(елым) заключен мир ¹⁵³. Люба эти дни, без Али, часто грустная, прегрустная. Об сцене бросила думать, говорит о мастерской дамских платьев. Часто задумывается. Да, есть над чем. Перед Сашей во прахе. Он сегодня с ней был мягок. Как я была рада! Устала от его жесткости. Все это так. Кругом они оба виноваты, но до чего они мне все-таки милы.

14 октября. Петербург

Была у детей. Видела Борю. Говорила совсем хорошо. Много про Сережу. Боря меня не шокировал и туману не напускал. Поэт он, да. Люба не понравилась. Недобрая и грубая. Ничего моего не понимает. Бог с ней. Ей, верно, трудно. Устала, не поощряют, ревность. Саша в лучах своей славы. Тих и кроток.

21 октября. Петербург

Позвонил Саша. Позвал меня к себе и сказал: «Мама скоро придет»¹⁵⁴. Я бросила все и поехала к ним, взяла от них «Весы» <...>

Утром Франц. Приехали оба. Я после завтрака с ним туда поехала. Аля встретила меня равнодушно, измученная, отупевшая. Ну, потом у меня все обедали, вечером были в «Балаганчике» (Франц уехал в Ревель).

24 октября. Петербург

Только что была на Галерной¹⁵⁵, чтобы проститься с Алей. Вечер прошел невыносимо. Саша гулял, потом пришел злой. Люба почти спала. Аля, не знаю, как и сказать. Молчали и спидели, как на похоронах. Наконец, стала собираться. Он сказал, что с ней поедет. Оделись, расцеловались. Люба осталась дома. Она ее нежно расцеловала и несколько раз сказала: «Спасибо тебе, малютка». Я стала ее целовать — холодно и бесстрастно подставила она мне свое лицо. Вышли на улицу. Она мне сказала, поцеловав меня сама: «Прощай, может быть, когда-нибудь еще увидимся, а м. б. и нет» со своей старой, новой улыбкой. Я с этим осталась, а они уехали.

Любе она говорила: «Стоило приезжать, я уезжаю ободренная» (конечно, с пронией). Ясно. Была она у меня третьего дня, сама пришла ко мне, не захотела в театр, и много о себе говорила; сначала не хотела, потом все сказала и на другой день говорила, что легче стало. Говорила, что нет у нее ни кола, ни двора, что она себя погубила, что жизнь в Ревеле безобразный сон, что все в ней туго; радость была только при первом свидании с Сашей и Любой и когда ехала в Ревеле на вокзал. Что одно бы могло ее возродить, если бы дети ее очень любили и ласкали, а они только гуманны, она им не нужна. Что теперь трудный перелом, она потеряла старое и не нашла нового. Просилась жить со мной и Аннушкой.

На другой день у них она мне сказала, что выспалась и, кроме того, после разговора со мной стало легче. Я успокоилась за действие своих слов, но увидела, что Саша злой и тяготеет домашними. Было много гостей. Саша был сначала груб с Любой. Потом все пришли. Его загребастала на весь вечер Мусина¹⁵⁶. Поздно пришли молодые актрисы¹⁵⁷. Н. Н. «заслонила всех нарядных, всех подруг»¹⁵⁸. Нельзя ее не любить, Люба перед ней совершенно меркнет, несмотря на всю свою прелесть и юность. Та какого-то высшего строя. Не от того ли он такой злой? Ведь она, кажется, холодна. А тут жена влюбленная и мать обожающая. Но что же теперь будет! Она¹⁵⁹ уехала с мыслью о смерти. Слыхал ли он¹⁶⁰, понял ли и если понял, поднимет ли ее умирающую и оживит ли?

У нее все в нем, и ничего, кроме этого.

Ведь он бы мог одним словом ее оживить, но найдет ли он его? Слишком влюблен для этого.

Если бы он нашел свое слово! Ведь это бывало прежде. Есть еще у меня надежда.

30 октября. Петербург

Разве не ясно было, что я заслонена смертной тоской по Сашиной любви и ласке, что я уже становлюсь противной? Получила от Али письмо в ответ на свое. Лучше не приезжать теперь, она хочет видеть только Блока. «Что дала мне твоя любовь и Францева? Ничего, ничего, ничего; я вас иногда за то ненавижу».

5 ноября. Петербург

Сашу вызывала, заходил неделю тому назад на полчаса: сумрачный, бледный, желовался на настроение.

11 ноября. Петербург

Сегодня вечером, прогрустив изрядно, с опаской отправилась к Блокам. Меня ждала удача: дома один Блок. «Тетя, это ты, посиди». Я, конечно, посидела. Встали они в 3 часа, после вечера у Ремизова. Люба где-то в театре,

а он в $1/2$ одиннадцатого пойдет с Н. Н.¹⁶¹ в ресторан. Пили чай. «Тетя, хочешь пирога?». Детские вопросы и взгляды, дорогое личико с матово-золотыми кудрями. Рассказал мне все новости. Скончался «Луч»¹⁶², бросили дело с «Голосом Москвы»¹⁶³, дорого продал драмы¹⁶⁴, написал цикл стихов для «Весов»¹⁶⁵. Прочел мне; хорошо, но не ново и не первосортно для него. Где лучше, где хуже. «Маска» была сильнее. Но все она и она, лучезарная. Насколько могу понять, он безумствует, а она не любит или холодна и недоступна, хотя и видятся они беспрестанно. Вида страдающего он не имеет, хотя в одном прекрасном стихотворении¹⁶⁶ описано, как тянет холодная бездна воды, а в другом монах молчалив и спокоен и никто не подозревает, что она сказала ему «молчи» и никакие молитвы не нужны, когда ты ходишь за рекой. А Люба что? Мусина больна, уроки не бывают¹⁶⁷, много планов, ничего не клеится, но она «начинает влюбляться в Ауслендера»¹⁶⁸. Итак, она не победила Н. Н. и сама как будто опять готова мимолетно увлечься. Не велика она в любви. Так ли любят истинные женщины?..

Жажда жизни и успехов сильнее всего остального... Ее женственность внешняя, неглубокая... Нет, где уж ей тягаться с Н. Н. и прежней Алей. Люба прелестна, но кокетство ее неприятно и резко, и это плохой признак.

А Н. Н. и кокетство не нужно. Она и не кокетничает, это ей бы не шло. Она ведет себя совершенно так, как ей нужно и с полным спокойствием и серьезностью, без суровости и без резкости. Ее глаза говорят, ее улыбка сверкает, ее тонкий стан завлекает, несмотря на худобу. Вот уж подлинно: «La mégruge même était une grasse». Поэт нашел свою «Незнакомку». Это она. Да, бывают же такие женщины!

31 декабря. Петербург

Была Аля и уехала. В этот раз было лучше, но все-таки нехорошо. Сама говорит, что не сумела сладить с своим положением.

Разобидела она Нат. Ник. совсем и при том незаслуженно. Ведь, в сущности, только за то, что Саша любит ее, а не Любу. Прежде она говорила, что Люба дурно влияет на Сашу; теперь Н. Н., а Люба хорошо. Где же правда? Люба с высоты своего величия говорит о том, что Н. Н. очень развилась, считая, что уж сама-то она выше всяких сравнений. А ведь Н. Н. гораздо интеллигентнее ее и тоньше и литературнее, а говорит-то она свое, а не чужое, как Люба. Ведь Люба-то выучила все эти слова, совершенно ей несвойственные. Обе они хотят быть Джульеттами и Иордис. Увидим, что будет. Люба молодец, ведет себя с достоинством и силой, ее и жалеть не надо. Правду говорила Аля, но ведь как она здорова и как самоуверенна и влюблена в себя. Мне Н. Н. гораздо ближе, хоть, м. б., Люба и крупнее.

Я в один год лишилась Али (она не только уехала, но разошлась я с ней), Саши, которого почти не вижу, живя в одном городе. Если бы не ходила туда иногда, он бы совсем со мной не видался.

1908 г.

12 апреля. Перед Пасхой. Петербург

Письмо тети Сони. Не могу оправиться от этого тяжелого, скверного, оскорбительного, возмущающего впечатления. Какая пучина непонимания, узости, злобствующей семейственности. Какие суждения о Сашуриных стихах и обо всей новой литературе.

Приехала Люба. Я ее видела. Жизнь, здоровье. Но показалась мне грубая, некрасивая; тоже нехорошее впечатление. Аля томится одна, зная, что ему не нужно ее присутствие, а он, по-моему, на новом пути к одиночеству. Мне кажется, и Н. Н. отходит. Или я ничего не понимаю?

19 ноября. Петербург

Он был один в июне в Ш(ахматов)е. Все было хорошо. С тетей Софой они совсем поладили. Читал даже «Песню судьбы». Ей понравилось. Уехал

только за тем, чтобы пьянствовать и кутить с Чулковым и просадить сотни рублей, которыегодились бы после. Госковал по Любе. Н. Н. еще весной иссякла. Опять выплыла Люба. Комета исчезла, осталась Венера. Когда уехала Софа, приехали дети (потом вскоре Франц). Месяц все шло прекрасно с детьми. Люба веселилась, как дитя, при общей нежности. Вдруг неприятный разговор и потом Люба пришла к Але одна объясняться и призналась, что она беременна — не от Саши. Она была в отчаянии. Хотела вытравить ребенка, говорила, что это внешнее, ее не касается и пр. Все погибло, Аля ходила совершенно несчастная, осуждала Любу (да ведь и было за что все-таки; без любви, по-бальмонт<овским> заветам, сглузу, этакое отношение к ребенку), не могла с собой справиться и пр. Теперь Люба привыкла к ребенку и его принимает, он же ведет себя, как Ангел, бережет Любу как никогда, работает, идет вперед, и принимает ребеночка к себе в дом. Только что получила телеграмма от Станисл<авского> (ведь весной его Комитет был у Саши и одобрил «Песню Судьбы», найдя ее необыкновенно талантливой¹⁶⁹). В этом сезоне не пойдет; приходится, к сожалению, печатать ради денег, но значит, принята. Он рад.

1909 г.

3 февраля. Петербург

У Любы родился мальчик (как я и думала вопреки Але и пр.). Родился вчера, 2-го февраля, утром. Роды были очень трудные и долгие. Очень страдала и не могла. Наконец, ей помогли. Он слабый, испорчен щипцами и главное долгими родами. Мать очень удручена. Аля тоже (давно приехала, живет в меблир<ованной> комнате, в Демидовом переулке). Очень боюсь, что мальчик умрет. Очень печально. Меня последнее время чуждаются. Что-то будет? Нехорошо.

У Саши много неудач, но работа и деньги есть... Нехорошая у нас полоса. И у Блоков с Алей, и у меня. Как-то у них разрешится?

6 февраля. Петербург

Были хорошие часы, теперь опять плохо. У Любы родильная горячка, молоко пропало, ребеночек слабый. За Любу страшно. Смотря сегодня на бледное ее личико с золотыми волосами, передумала многое. Сапа ухаживает за ней и крошкой. Франц здесь, нехорошо с Кублицкими.

8 февраля. Петербург

Ребеночек умирает. Заражение крови. Люба сильно больна. Будто бы не опасно, но жар выше 39° и уже третий день. Я ее больше не вижу. Уныло, мрачно, печально.

9 февраля. Петербург

Все то же. Ребеночек еще жив, Люба лежит в жару и в дремоте.

«Очень он¹⁷⁰ удручен?» — спросила Софа. — «Это ему не свойственно, как и мне», — сказала Аля. «Ну, не скажу», отвечала Софа. Да, в серьезных случаях он не капризничает и не киснет, она¹⁷¹ тоже не киснет, не склонна падать духом. Оба склонны ненавидеть в такие години все, что не они.

10 февраля. Петербург

Ребенок умер сегодня в 3 часа дня. <...> Любе лучше. Я поехала сейчас же к Саше. Он пришел при мне; через минуту, узнав, полетел в больницу. На лестнице Ваня¹⁷², в воротах Аля — прямо от Софы. Поговорила она со мной и тоже поехала. Дождалась его и ее¹⁷³ и оставила их за обедом. Он как будто успокоился этой смертью, м. б. хорошо, что умер этот непрощенный крошка... Люба, по-видимому, успокоилась.

11 февраля. Петербург

Сегодня мне ужасно жаль маленького крошку. Многие говорят, что в смерти его виноваты доктора. Пусть так. М. б., и лучше, что он умер, но

в сердце безмерная грусть и слезы. Мне жаль его потому, что Любе его мало жаль. Неужели, она встряхнется, как кошка, и пойдет дальше по-старому? Аля боится этого. И я начинаю бояться.

21 февраля. Петербург

К нему ходила, слушала его чтение на курсах («Песню Судьбы») ¹⁷⁴. Как хорошо, какой лиризм.

Люба еще лежит, но скоро уже уедет домой. Он заходил ко мне сегодня на 10 минут. Боже мой, как мало мы связаны.

5 марта. Петербург

Люба дома, уже расцветает и мечтает о поездке с Сашей весной за границу. Он кислый, недовольный собой и всеми, очень не в духе, сидит дома с кашлем. Собирается еще переделывать «Песню Судьбы», «которая не годится для сцены» ¹⁷⁵. Ничего нового не пишет и не хочет писать. В опасном она настроении, по-моему.

25 марта. С.-Петербург

Саша и Люба едут в Ревель на несколько дней. Слава богу! Хотя он в сквернейшем настроении. Боюсь, что не будет добра.

3 июля. Шахматово

Приехали дети, прекрасные, веселые. Люба снова помолодела и хороша, как в старое время. Радости от них тьма. Аля, бедная, дышит ими. Не знаю, надолго ли такой только праздник.

14 августа. Шахматово

Чего только не было! Люба была больна: нарыв под челюстью. Ездили в Москву, она лежала в больнице. Але сильно досталось за это время. Поправилась, вернулась.

1912 г.

29 февраля. Петербург

Больше 3-х лет я здесь не писала. Хочу кое-что написать в день Касьяна... ¹⁷⁶. За эти годы много произошло в моей внутренней жизни и отношениях.

Алина болезнъ последний год в Ревеле ученъ усилилась. Она провела весну и часть лета в санатории около Москвы. Вернулась в Шахматово в год перестройки ¹⁷⁷, ожидая со стороны Саши и Любы полного снисхождения, а вышло самое тяжелое лето, которое когда-либо было. Жестокостям их не было конца. Главное было на почве хозяйства и новых слуг (Николай ¹⁷⁸ и Арина ¹⁷⁹). Окончилось тем, что Аля отравлялась вероналом. Один из ужаснейших дней моей жизни. Были минуты, когда я думала, что она умирает, и я не смела звать Сашу и Любу, зная, то им *до нее нет никакого дела*. Она была бы рада, ему все равно. Люба ее ненавидела, Саша озлобился от тревоги, сложности, трудности, роковых недоразумений и пр. Несколько часов я с ней провела, слушая ее бред, поднимая ее с пола, плача и пр. Вид ее, растерзанный и безумный, факт покушения на самоубийство — ничто их не тронуло.

Уехали мы с Алей. Увез ее Франц в Ревель. Последний год она провела, как в монастыре. Ей стало лучше. В Шахматово уже после того Люба не вернулась. Саша провел 1½ месяца. Уехали за границу. А как опять было плохо у Али, и Люба всю зиму не могла смягчиться. Внезапно перевели Франца в Петербург с этой осени ¹⁸⁰. Отношения с Сашей были хорошие, часто по его инициативе виделись. Люба вела себя хорошо. Что она чувствует, не знаю. Она очень подурнела и присмирела. Верная жена и ничего больше. Начал поэму ¹⁸¹, очень значительную, охладел, бросил, по-моему, просто не справился. Это ему не по силам. Настроение ужасное ¹⁸². Большой любви нет, все мелкие и случайные вспышки. Почти не пишет. Очень знаменит, обаятелен, избалован, но столь безнадежно мрачен, что я за него страшно боюсь.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Франц Феликсович *Кублицкий-Пиоттух* — отчим поэта.
- ² Ольга Алексеевна *Желябужская*, в замужестве Мазурова, подруга М. А. Бекетовой по гимназии. В детские годы Блока она уделяла ему много внимания (М. Б е к е т о в а. Ал. Блок и его мать, с. 17).
- ³ Речь идет о пианисте Б. Чези. Незадолго до этого — 6 апреля 1891 г. — М. А. познакомилась с ним лично и стала бывать у него в доме. Он был в это время уже разбит параличом.
- ⁴ Под детьми разумеются тут Блок и его двоюродные братья Феликс и Андрей Адамовичи *Кублицкие-Пиоттух*, сыновья его тетки Софьи Андреевны.
- ⁵ Речь идет о сцене Козьмы Пруткова «Спор древних греческих философов об изящном», где Блок исполнил роль Стифа. «Их драмой» М. А. Бекетова называет шуточную пьесу Блока и Ф. А. *Кублицкого-Пиоттуха* «Поездка в Италию. Раздирательная драма в 3 действиях».
- ⁶ С 1896 г. у А. А. *Кублицкой-Пиоттух* открылась эпилепсия, осложненная сильно развившимся пороком сердца. Этим и была вызвана поездка в Бад-Наугейм. По словам М. А. Бекетовой, обе сестры, вопреки традициям своего круга, «плохо говорили по-французски и совсем не говорили по-немецки» («Ал. Блок и его мать», с. 113 и 133—134).
- ⁷ Ксения Михайловна Садовская.
- ⁸ Александра Ипполитовна Сант-Иллер.
- ⁹ Блок участвовал в эту пору в драматическом кружке, занимался декламацией и увлекался актером В. П. Далматовым.
- ¹⁰ Двоюродные братья Блока *Кублицкие-Пиоттух* уехали в начале августа в Барнаул, куда в 1900 г. переведен был по службе их отец.
- ¹¹ Ф. Ф. *Кублицкий-Пиоттух* был гвардейским офицером.
- ¹² По утверждению М. А. Бекетовой, ее сестра Александра Андреевна трижды покушалась на самоубийство («Ал. Блок и его мать», с. 143).
- ¹³ Екатерина Евгеньевна Хрусталева.
- ¹⁴ 23 ноября 1900 г. Блок писал тетке С. А. *Кублицкой-Пиоттух*: «Приходит к нам Катя Хрусталева и происходит «мелодекламация» (с моим-то слухом!), впрочем, говорят, недурно, она как-то подыгрывает под меня, а я без всякого с ней соображения, говорю стихи. Во всяком случае, иногда это оживляет и отвлекает, маме нравится» («Письма к родным», I, с. 58). 3 января 1903 г. он писал А. Белому: «Я до отчаяния ничего не понимаю в музыке, от природы лишен всякого признака музыкального слуха. (VIII, 51).
- ¹⁵ Блок читал в это время Платона и 1 декабря 1900 г. писал по этому поводу отцу: «Прихожу часто в скверное настроение, потому что все это (и многое другое, касающееся самой жизни во всех ее проявлениях) представляется очень туманным и неясным. Иногда совершенно наоборот (реже, конечно), и это главным образом после известного периода целесообразных занятий, когда все приходит в некоторую логическую систему» (VIII, 14).
- ¹⁶ Еврений Осипович Романовский (1853—1918) — минералог, старый друг семьи Бекетовых.
- ¹⁷ В книге «А. Блок и его мать» М. А. Бекетова отзывается о Ф. Ф. *Кублицком-Пиоттухе* гораздо мягче, признавая его «человеком серьезным и далеко не глупым, с верным сердцем, способным на глубокие привязанности», отдавая должное его «великому уважению к науке, к которой у него были серьезные склонности, уважение к литературе» и добавляя, что он «бывал очень мил в интимном кругу, когда чувствовал вокруг себя благожелательную атмосферу» (с. 127—128). А. Белый пишет в своих воспоминаниях, что Ф. Ф. *Кублицкий-Пиоттух* «оставил впечатление нежнейшего, чуткого, прекраснейшего человека, деликатного до щепетильности: он и ходил и сидел с таким видом, будто боялся невзначай обидеть кого-нибудь или задеть что-нибудь» («Записки мечтателей», № 6, с. 97).
- ¹⁸ Семен Викторович Панченко (см. о нем в публикации «Дарственных надписей Блока»); далее в дневнике называется сокращенно: С. В.
- ¹⁹ Так называли Блока мать и другие близкие.
- ²⁰ Известно, какое важное значение имело это лето в личной и творческой жизни Блока. Он называл его «мистическим».
- ²¹ Т. е. с Блоком и его матерью.
- ²² Цитата из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа».
- ²³ См. наст. т., кн. 1, с. 479 и наст. кн., с. 177—180. В июле 1901 г. Блок гостил у Соловьевых в имении Дедово — см. наст. кн., с. 172.
- ²⁴ Под избранными имеется в виду, очевидно, прежде всего кружок молодежи, сложившихся в Москве вокруг О. М. и М. С. Соловьевых.
- ²⁵ Знакомство Блока с Д. С. Мерзжковским и З. Н. Гишпиус состоялось 26 марта 1902 г.
- ²⁶ Блок и его двоюродные братья *Кублицкие-Пиоттух*.
- ²⁷ Двоюродный брат Блока Ф. А. *Кублицкий-Пиоттух* и его мать С. А. *Кублицкая-Пиоттух*.
- ²⁸ Софья Григорьевна Карелина.
- ²⁹ М. С. Соловьев и О. М. Соловьева скончались 16 января 1903 г.
- ³⁰ С. М. Соловьев, сын М. С. и О. М. Соловьевых.

³¹ Адам Феликсович *Кублицкий-Пиоттух* (1855—1932), чиновник удельного ведомства, брат отчима Блока, женатый на тетке Блока С. А. Бекетовой.

³² См. наст. кн., с. 203. Впечатления С. М. Соловьева от этой свадьбы, состоявшейся 17 августа 1903 г., переданы А. Белым в следующих выражениях: «По его словам природа Шахматова и Боблова (имения Менделеевых), и погода, и свадебный обряд, — все было пронизано какою-то необычайною, непередаваемою атмосферой, — и прозвучал звук эпохи, над которым мы медитировали» («Записки мечтателей», № 6, с. 32—33).

³³ 28 июля 1903 г. Блок сообщает: «Читаю и пишу очень мало»; также и 20 августа 1903 г.: «А я уж больше ничего не напишу» («Письма к родным», I, с. 89—90). 20 ноября 1903 г. он пишет Белому: «И вот женился, вот снова пишу стихи, и милое прежде осталось милым; и то, что мне во сто раз лучше жить теперь, чем прежде, не помешало писать о том же» (VIII, 69).

³⁴ По свидетельству М. А. Бекетовой, отношение Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух к Блоку «после его женитьбы стало гораздо лучше, если не считать острого периода взаимной вражды во время 1905 и 1906 гг. К Любови Дмитриевне Франц Феликсович всегда относился очень хорошо, как и она к нему» («Ал. Блок и его мать», с. 160).

³⁵ С. А. Соколов. Переписку Блока с ним см. в наст. т., кн. 1, с. 527—551. Ср. там же, с. 348. письмо Блока к С. М. Соловьеву о встрече с Соколовым в Петербурге в ноябре 1903 г.

³⁶ Блок.

³⁷ В эту пору, которую Блок называет «отчаянным временем» (VIII, 107), а Белый — «периодом временного угасания зорь» («Записки мечтателей», № 6, с. 72), Блок переживал тяжелый внутренний кризис, связанный с отходом от соловьевства.

³⁸ С. А. Кублицкая-Пиоттух.

³⁹ Блок, его жена и его мать.

⁴⁰ Л. Д. Блок.

⁴¹ Пристрастие к цыганским романсам Блок унаследовал от матери.

⁴² Л. Д. Блок, которая была постоянной посетительницей концертов. 16 октября 1904 г. был первый в этом сезоне концерт А. И. Зилоти. В этот вечер впервые исполнялись некоторые произведения П. И. Чайковского, А. Аренского, Ц. Франка и Н. Черепина.

⁴³ С. В. Панченко.

⁴⁴ Кризис продолжался. Блок в это время почти не писал стихов и был поглощен работой над кандидатским сочинением. Немного ранее, 11 октября, в записной книжке № 9, под неоконченным черновиком стихотворения «Ночь» (дописанного только 19 ноября) Блок помечал: «Дальше и вельзя ничего. Все это прошло, минуло, „исчерпано“» (ЗК, с. 67).

⁴⁵ В. А. Тернавцев издавал в это время букварь для церковно-приходских школ. О стихах А. А. Кублицкой-Пиоттух, переданных В. А. Тернавцеву, см. в статье Р. Корсакова («Р. В. Иванова-Разумника») «Стихи А. Блока для детей» («Детская литература», 1940, № 11—12, с. 78—82).

⁴⁶ Сборник «Стихи о Прекрасной Даме». М. 1905.

⁴⁷ Рецензия Блока на сборник Ф. Смородского «Новые мотивы». СПб. 1903 г. (V, 530—531) была напечатана в журнале «Новый путь», 1904, № 1. Смородскому посвящено стихотворение Блока «Нежный! У ласковой речки», датированное 18 октября 1904 г. (II, 45).

⁴⁸ 7 ноября.

⁴⁹ См. ниже запись от 30 ноября 1904 г. Утопические идеи С. В. Панченко о «новом царстве» изложены вратце М. А. Бекетовой в кн. «Ал. Блока и его мать», с. 140.

⁵⁰ М. А. Бекетова говорит, что мать Блока «поражала иногда недостатком самых элементарных сведений, например, по истории. Она не прочла за всю свою жизнь ни одной исторической книги». Из сочинений Ницше она читала только «Так говорит Заратустра» («Ал. Блок и его мать», с. 108 и 139).

⁵¹ А. И. Шелгунова — прислуга М. А. Бекетовой.

⁵² М. А. Бекетова жила на Петроградской стороне.

⁵³ Часовня при домике Петра Великого, на Петровской набережной.

⁵⁴ О. И. Федорович, приятельница М. А. Бекетовой.

⁵⁵ Лейб-гвардии Гренадерский полк, в котором служил отчим Блока.

⁵⁶ А. Белый, приехавший 9 января 1905 г. из Москвы, заходил в первой половине этого дня к Блоку и описывает эту встречу так: «Я попал в цепь разговоров о петербургских событиях, сильно волновавших Блоков. А (Александр) А (Александрович) и Александра Андреевна были в революционном настроении. Александра Андреевна беспокоилась за мужа, вынужденного долгом службы защищать какой-то мост и вместе с тем с глубоким отвращением отосившегося ко всем видам репрессий. Александра Андреевна беспокоилась, придется или не придется Францу Феликсовичу встретиться с рабочими. Александр Александрович более волновался тем, что будут расстрелы, и выражал свое возмущение и негодование по адресу правительства, превращавшего манифестацию в восстание». На следующий день, по словам Белого, Блок в присутствии отчима «выражался кратко, резко и беспощадно вилоть до несочувствия лицам, вынужденным хотя бы грубою силою поддерживать правительство» («Записки мечтателей», № 6, с. 96—98; см. также «Эпопея», 1922, № 1, с. 173). М. А. Бекетова пишет: «Саша, вообще любивший своего отчима с детства, теперь настроен был против него враждебно, Александра Андреевна, тоже, а сам Франц Феликсович платил им той же монетой» и «в кругу семьи и близких знакомых был очень

резок и даже груб, когда дело касалось политики («Ал. Блок и его мать», с. 145—146).
⁵⁷ Фамилию, полное имя и отчество этого лица не удалось установить. В адресной книжке матери Блока это уменьшительное имя встречается трижды, причем в качестве адресов указаны женские монастыри в Польше и в Нижегородской губернии. То же лицо и под тем же уменьшительным именем упоминается в бекетовской тетради «Касьян», где велась краткая семейная хроника (по четырехлетиям). 29 февраля 1904 г. там записано: «Кина уехала в Тегеран сестрой милосердия, заведует русской амбулаторией», а 29 февраля 1908 г. там же такая запись: «Кина в Киеве. Бросила Тегеран. Соплас с Адрианом, у нее сын. Страшно бедствует, больна».

⁵⁸ О. И. Федорович.

⁵⁹ Конрад Викторович *Недзвецкий*, родственник Бекетовых, присяжный поверенный; по словам М. А. Бекетовой, — «пламенный патриот-поляк».

⁶⁰ Мать Блока.

⁶¹ Денщик Ф. Ф. Кублицкого-Пиотух.

⁶² Белый пишет: «Л(юбовь) Д(митриевна) обратилась ко мне с вопросом о том, как обосновать то, что было предметом наших утопических разговоров в Шахматове, т. е. если бы сфантазированный С. М. Соловьевым мыслитель Ларап жил в наши дни, то в схемах какой идеологии мог бы он выразить свою философию (Л. Д. была тогда курсистка-филологичка и интересовалась философией). Помнится, что я ответил на это целой попыткой развить новую систему философии и ряд дней читал нечто в роде лекций перед А. А. и Л. Д., начиная с Канта, Вундта и других философов и кончая смелейшими теологическими выводами, — целую философию символизма» («Записки мечтателей», № 6, с. 106—107). См. также наст. т., кн. 1, с. 386—387.

⁶³ По-видимому, описка М. А. Бекетовой. Речь идет, вероятно, о В. В. Андрееве, основателе так называемого «Великорусского оркестра» балалаечников.

⁶⁴ Рихард Штраус, к творчеству которого А. Белый относился отрицательно, а М. А. Бекетова — положительно.

⁶⁵ М. А. Оленина-д'Альгейм.

⁶⁶ А. Белый уехал из Петербурга 4 февраля 1905 г.

⁶⁷ А. Белый пишет: «Этот Панченко мне показался фальшивым. Сквозь напускной легкомысленный скепсис французского остроумия он пытался пустить пыль в глаза, озадачить особенным пониманием жизни» («Эпопея», 1922, № 1, с. 217).

⁶⁸ С. В. Панченко.

⁶⁹ А. Белый.

⁷⁰ С. В. Панченко.

⁷¹ Мать Блока.

⁷² Точно такой же упрек и в тех же выражениях был обращен к Блоку Мережковским накануне его женитьбы: «Главное порицание высказывается мне за то, что я, будто бы, «не чувствую конца» («Письма к родным», I, с. 86).

⁷³ А. Белый кончил курс Московского университета по факультету естественных наук весной 1903 г., а осенью 1904 г. опять поступил в тот же университет, на филологический факультет.

⁷⁴ С. М. Соловьев.

⁷⁵ М. С. Соловьев.

⁷⁶ Композитор Н. К. Метнер, которого А. Белый признавал гениальным.

⁷⁷ В. Шахматов.

⁷⁸ За пять дней до этого Блок писал Е. П. Иванову: «Полная весна, все течет и поет. Заря из тех, от которых моя душа ведет родословную <...> Много пишу <...> Ничего нет, кроме гордости, что чувствую весну» (VIII, 124).

⁷⁹ Муся — Мария Дмитриевна Менделеева, сестра Л. Д. Блок.

⁸⁰ Спот — собака, сеттер, принадлежавший М. Д. Менделеевой.

⁸¹ Пик — песик, такса, принадлежавшая деду Блока.

⁸² М. А. Бекетова сдала в своей квартире одну комнату.

⁸³ Альфред Фулье (Foullie) — французский философ. Упоминаемая книга: «Histoire de la philosophie», 1875 (русск. перев. Николаева).

⁸⁴ Письмо А. Белого к Блоку из Москвы 13 октября 1905 г. См.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 155—157.

⁸⁵ Блок ответил А. Белому 14 или 15 октября 1905 г. (см. там же, с. 157—160).

⁸⁶ Тетя Саша — Александра Михайловна Марковет.

⁸⁷ Статья А. Белого «Певица», посвященная М. Олениной-д'Альгейм («Мир искусства», 1902, № 11).

⁸⁸ Имеется в виду письмо А. Белого от 13 октября 1905 г. (см. выше).

⁸⁹ В опущенной записи дневника от 30 октября М. А. Бекетова писала «Надо признать, что я не тетушка, у которой можно хорошо пообедать и встретить милых людей, что я сама человек...»

⁹⁰ Письмо 30 октября 1905 г., которое А. Белый поручил Л. Л. Кобылинскому (Эллису) передать Блоку лично. Сделать это Кобылинскому не удалось и письмо было передано через посыльного. В письме Белый писал: «Люблю тебя неизменно, сильной, испытанной любовью». — «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 160.

⁹¹ Малышка, маленькая, малютка — так называет М. А. Бекетова в своем дневнике Л. Д. Блок.

- ⁹² Владислав — денщик Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух.
- ⁹³ Ресторан Палкина на Невском проспекте.
- ⁹⁴ У Кублицких-Пиоттух и Блоков.
- ⁹⁵ С. В. Панченко и Андрей Белый.
- ⁹⁶ Андрей Белый.
- ⁹⁷ См. кн. 1, с. 361—366.
- ⁹⁸ 28-го декабря — на елку к М. А. Бекетовой.
- ⁹⁹ Имеются в виду Кублицкие, Блок, Панченко.
- ¹⁰⁰ В опущенной записи дневника от 30 декабря М. А. Бекетова писала: «По дороге придумала подарить детям еще маленького Данта и Боккаччо».
- ¹⁰¹ Имеется в виду А. А. Кублицкого-Пиоттух.
- ¹⁰² Излюбленная формула С. В. Панченко — «В моем царстве все будет дозволено, в моем царстве не будет семья» (См. М. А. Бекетова. Ал. Блок и его мать).
- ¹⁰³ См. наст. кн., с. 234.
- ¹⁰⁴ Marie, Marie Kuhn — давнишняя знакомая Блоков. Была гувернанткой Фероля и Андрея Кублицких-Пиоттух, двоюродных братьев Блока, и принимала деятельное участие (буафорская часть) в домашних спектаклях, в которых участвовал Блок.
- ¹⁰⁵ З. Н. Гиппиус.
- ¹⁰⁶ Иоким Викторович *Тартаков* — известный певец-баритон. Артист императорских театров, пел на сцене Мариинского театра.
- ¹⁰⁷ Осенью 1898 г. Блок поступил на юридический факультет Петербургского университета, а осенью 1901 г., пробыв 2 года на втором курсе, перешел на первый курс историко-филологического факультета, который и окончил в мае 1906 г. по славяно-русскому отделению с дипломом 1 разряда.
- ¹⁰⁸ 26 апреля 1906 г. состоялось открытие I Государственной думы. На первом заседании депутат Думы Петрункевич выступил с требованием амнистии.
- ¹⁰⁹ Мать Блока.
- ¹¹⁰ С. В. Панченко.
- ¹¹¹ Ср. запись в дневнике от 2 апреля 1906 г.
- ¹¹² Крабб — собака-такса, принадлежавшая Ф. Ф. и А. А. Кублицким-Пиоттух.
- ¹¹³ У матери Блока.
- ¹¹⁴ Намеки на влияние, оказываемое С. В. Панченко на М. А. Бекетову.
- ¹¹⁵ «Северная Симфония» (1-я героическая) закончена А. Белым в декабре 1900 г. Вышла в изд. «Скорпион» в конце 1903 г. с датой на обложке: 1904 г.
- «Симфония» (2-я драматическая) закончена А. Белым летом 1901 г. Вышла в изд. «Скорпион» в 1902 г.
- «Возврат» (3-я симфония) закончена А. Белым осенью 1902 г. Напечатана в изд. «Гриф» в 1905 г.
- «Кубок метелей» (4-я симфония) писалась летом 1902 г., перерабатывалась с 1902 по 1908 г. Отрывки из 4-й симфонии напечатаны в альманахе «Гриф», М. 1903; позднее издана «Скорпионом» в 1908 г.
- Знакомство А. Белого с Л. Д. Блок состоялось в январе 1904 г.
- ¹¹⁸ 8 июля 1906 г. был издан указ о роспуске I Государственной думы, 10 июля опубликовано Выборгское воззвание: «Народу от народных представителей», 12 июля выпущено от имени трудовой и социал-демократической фракции I государственной думы воззвание «К армии и флоту и ко всем трудовому крестьянству».
- ¹¹⁷ 9 августа 1906 г. Блок писал Андрею Белому: «Сборник Нечаянная Радость я хотел посвятить Тебе, как прошедшее. Теперь это было бы ложью, потому что я перестал понимать Тебя. Только потому не посвящаю Тебе этой книги» (VIII, 160). 13 августа А. Белый ответил: «Действительно лучше, что Ты отменил посвящение мне твоей книги» («Ал. Блок и А. Белый. Переписка», с. 178).
- ¹¹⁸ Имеется в виду мать Блока.
- ¹¹⁹ Имеется в виду письмо 23 августа, в котором А. Белый писал Блоку: «Прости, прости, прости! Я глубоко виноват. Я позволил мареву, выросшему из долгих часов уединенной тревоги, овладеть собою. Я позволил себе заслонить Твой образ» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 179).
- ¹²⁰ Переехали в квартиру на Лахтинской ул.
- ¹²¹ Андрей Белый.
- ¹²² Небольшое художественно-прозаическое произведение, написанное А. Белым в мае 1906 г. и напечатанное в № 7-9 журнала «Золотое руно» за 1906 г.
- ¹²³ С. В. Панченко.
- ¹²⁴ Фелиция Феликсовна *Лозинская* (урожд. Кублицкая-Пиоттух, по второму мужу Бражников), сестра Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух, отчима Блока.
- ¹²⁵ Анна Евгеньевна *Стратонитская* (Лозинская), племянница Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух. Блок дружил с ней в гимназические годы. Позднее училась на Бесгужевских курсах.
- ¹²⁶ По-видимому, Александр Андреевич *Стратонитский* — инженер-строитель. («Ася со своим инженером» — так М. А. Бекетова неоднократно пишет в своем дневнике).
- ¹²⁷ Очевидно, из раздела «Пузыри земли».
- ¹²⁸ Жюри конкурса, объявленного редакцией журнала «Золотое руно» на тему «Дьявол» (в литературе и в живописи) — Ср. наст. кн., с. 262—263.

¹²⁹ Екатерина Алексеевна *Бекетова*, — двоюродная сестра М. А. Бекетовой, дочь Алексея Николаевича Бекетова, брата деда Блока.

¹³⁰ Л. Д. Семенов.

¹³¹ Николай Николаевич Урванцев — артист.

¹³² Варвара Сергеевна *Бекетова*, жена Алексея Николаевича Бекетова.

¹³³ Елена Михайловна *Метнер* — художница, позднее руководительница студии художественной бронзы.

¹³⁴ Вероятно, имеется в виду Александр Васильевич Гиппиус, товарищ Блока по юридическому факультету и один из близких его друзей (Переписку Блока с А. В. Гиппиусом см. в наст. томе, кн. 1).

¹³⁵ Осип Исидорович *Перельман* (псевд. Осип Дымов; 1878—1959) — писатель и журналист.

¹³⁶ Вероятно, имеется в виду Николай Николаевич *Бекетов* (1827—1911), известный химик, брат Андрея Николаевича Бекетова, деда Блока.

¹³⁷ «Бумажный бал» состоялся после 1-го представления «Балаганчика» у Веры Викторовны Ивановой, артистки Театра Комиссаржевской.

¹³⁸ 20 января 1907 г. умер и похоронен 23 января Д. И. Менделеев, отец Л. Д. Блок.

¹³⁹ А. И. Менделеева — жена Д. И. Менделеева.

¹⁴⁰ Имеются в виду взаимоотношения А. Белого, Л. Д. Блок и Блока в 1906 г.

¹⁴¹ В опущенной записи дневника от 19 июня 1906 г. М. А. Бекетова, подробно излагая свою беседу с Л. Д. Блок о браке ее с Блоком, приводила свои собственные слова: «Неизвестно еще, что будет, вы очень мало времени женаты» и описывала возмущение Л. Д. Блок этими словами.

¹⁴² Имеется в виду Блок.

¹⁴³ Н. Н. Волохова.

¹⁴⁴ Мать Блока.

¹⁴⁵ Е. П. Иванов.

¹⁴⁶ К концу лета 1907 г. Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух был назначен полковым командиром в Ревель.

¹⁴⁷ Мать Блока.

¹⁴⁸ Имеется в виду проезд в Шахматово к Блоку в первой половине августа 1906 г. Л. Кобылинского в качестве секунданта А. Белого.

¹⁴⁹ Письмо от 5 или 6 августа 1907 г. Письмо оканчивается словами: «Если же Вы постараетесь сделать вид, что мы незнакомы или уклониться от встречи со мной, это будет мне тем приятнее» («Ал. Блок и А. Белый. Переписка», с. 192).

¹⁵⁰ А. Блок ответил письмом 8 августа 1907 г., в котором писал: «Предоставляю Вам десятидневный срок со дня, которым помечено это письмо, для того, чтобы Вы — или отказались от Ваших слов, в которые Вы не верите, — или прислали мне Вашего секунданта» (VIII, 192).

¹⁵¹ А. Белый ответил письмом 11 августа 1907 г., в котором он, признавая резкость некоторых своих выражений, вызванных раздражением, оправдывался в других обвинениях. От дуэли он отказывался, мотивируя свой отказ тем, что «теперь Вы для меня — посторонний, один из многих, а со всеми не передерешься». Одновременно он прислал пространное письмо (от 10—11.VIII) по всем «спорным пунктам наших литературных недоразумений» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 193—202).

¹⁵² У брата Ф. Ф. Кублицкого-Пиоттух.

¹⁵³ 24 августа Блок, предупредив А. Белого о своем приезде письмом от 22 августа, был в Москве и виделся с ним. Беседа продолжалась всю ночь. За этим свиданием последовало письмо от 26.VIII, в котором Белый писал Блоку: «Во мне Ты уж больше не пошарнешься, образ Твой мне близок и ясен таким, каким он предстал мне в Москве» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 213).

¹⁵⁴ Из Ревеля, где в то время жили Ф. Ф. и А. А. Кублицкие-Пиоттух.

¹⁵⁵ На Галерную улицу (дом 41, кв. 4) Блоки переехали осенью 1907 г.

¹⁵⁶ Дарья Михайловна *Мусина* — актриса Александринского театра.

¹⁵⁷ Молодые актрисы Театра Комиссаржевской: Валентина Петровна Веригина, Наталья Николаевна Волохова, Вера Викторовна Иванова, Екатерина Михайловна Мунт.

¹⁵⁸ Имеется в виду стихотворение Блока из цикла «Фаина», датированное декабрем 1906 г.:

Вот явилась, заслонила
всех нарядных, всех подруг,
и душа моя вступила
в предназначенный ей круг...

¹⁵⁹ Мать Блока.

¹⁶⁰ Блок.

¹⁶¹ Н. Н. Волохова.

¹⁶² 31 октября 1907 г. Блок писал матери: «„Луч“ перешел в другие руки и статья моя о Мейерхольде так и не появится в печати. М. б., к лучшему» («Письма к родным», I, с. 179).

¹⁶³ См. наст. кн., с. 311.

¹⁶⁴ «Лирические драмы» («Балаганчик» — «Король на площади» — «Незнакомка» Сборник вышел в издательстве «Шиповник» в 1908 г.

- ¹⁶⁵ Видимо, речь шла об одном из двух циклов: «Осенняя любовь» — «Весы» 1907, № 12; или «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей» — «Весы» 1908, № 3.
- ¹⁶⁶ «Инок» (цикл «Фаина»). Стихотворение датировано 6 ноября 1907 г.
- ¹⁶⁷ Л. Д. Блок брала уроки сценического искусства у Д. М. Мусиной.
- ¹⁶⁸ С. А. Ауслендер.
- ¹⁶⁹ Весной 1907 г. в период гастролей Московского художественного театра Блок прочитал «Песню Судьбы» «Комитету», состоявшему из Станиславского, Немировича-Данченко и Бурдигалова. Пьеса была одобрена, вопрос о ее постановке в МХТ считался почти решенным. Ответ обещали прислать из Москвы. Лишь в ноябре пришла телеграмма от Станиславского, в которой он сообщал, что пьеса принята в репертуар, но в текущем сезоне поставлена не будет. Постановка «Песни Судьбы» осуществлена не была.
- ¹⁷⁰ Блок.
- ¹⁷¹ Л. Д. Блок.
- ¹⁷² И. Д. Менделеев.
- ¹⁷³ Блока и его мать.
- ¹⁷⁴ В феврале 1909 г. Блок читал на Высших женских курсах «Песню Судьбы». «Курсы стикты слушали вникательно и напряженно». (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Л., 1930, с. 117).
- ¹⁷⁵ В декабре 1908 г. Блок получил письмо от Станиславского, о котором он сообщает матери в письме от 14 декабря 1908 г.: «Прежде всего — длинейшее письмо Станиславского. Суть его в том, что он полюбил меня и «Песню судьбы», но не полюбил ни одного из действующих лиц. Перечитывал пьесу раза 4, пишет массу соображений, — очень скромно, очень хорошо <...> Впечатление и у меня и у Любы, что пьесы он не поставит, и я об этом не горюю, потому что верю в Станиславского» (VIII, 268).
- ¹⁷⁶ «Касьян» — семейная хроника Бекетовых. Каждый високосный год, 29 февраля в день Касьяна (памяти преподобного Кассиана-римлянина), собиралась женская половина семьи Бекетовых и составляла обзор происшедшего и пережитого за последние 4 года и перечень того, что ожидалось ими в ближайшие 4 года. Хроника велась с 1876 г. по 1912 г. Этим следует объяснить появление, после трехлетнего перерыва, новой записи именно 29 февраля.
- ¹⁷⁷ Весной 1910 г., в виду прихода в ветхость флигеля, в котором А. А. и Л. Д. Блок прожили первые годы после брака, было приступлено к коренной перестройке главного дома в Шахматове.
- ¹⁷⁸ Николай Лапин — старший работник в Шахматове. Принят на работу весной 1910 г.
- ¹⁷⁹ Анна Лапина, жена Николая Лапина, — работница в Шахматове. Принята на работу весной 1910 г.
- ¹⁸⁰ В 1911 г. Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух был назначен в Петербург командиром бригады.
- ¹⁸¹ «Возмездие». Задумана и начата в июне 1910 г. В главных чертах набросана в 1911 г. Отдельные отрывки поэмы писались и обрабатывались им до последних месяцев жизни.
- ¹⁸² У Блока.